Информационно–аналитический журнал

Современный Иран

№43
апрель 2015

Информационно-аналитический журнал

современный Иран

№ 43
апрель 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77–41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции
119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР–ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2

Йемен — война Саудовской Аравии против Ирана
Владимир Алексеев.....6

Лозанна: «промежуточно» поговорили. Что дальше?.....12

Призрачное единство «коалиция решительных»
Игорь Панкратенко.....15

Попытка возродить идею «арабского НАТО»
Владимир Алексеев.....20

Эрдоган отправился в Иран за «отпущением грехов».....24

Ядерная «кухня» Ближнего Востока
Ирина Джорбенадзе.....26

Иран разрывает стратегические клещи
Дмитрий Минин.....31

Владимир Путин отправил С-300 в Тегеран
Олег Владыкин.....34

Али Хаменеи о Йемене: То, что совершают саудиты, — преступление.....36

Отмена военных санкций против Ирана и перспектива возобновления военного сотрудничества между Москвой и Тегераном
Амин Парто.....40

Российско-иранская весна
Игорь Панкратенко.....44

Иран после Лозанны: чего стоит ожидать России и Евразии от Тегерана
Иван Лизан.....48

Российские ракеты способны остановить Обаму
Алексей Заквасин.....51

Время вызова: Израиль и саудиты против России
Раджаб Сафаров.....54

Способен ли Иран дать отпор США?
Борис Саводян.....59

Ядерное нераспространение сошлось клином на Иране.....63

Израильское лобби в США и в мире теряет влияние
Владимир Алексеев.....66

Краткое содержание номера

События в Йемене, окончание очередного этапа переговоров по иранской ядерной программе в Лозанне и решение Владимира Путина об отмене запрета на поставку Тегерану ракетных комплексов С-300 — вот те главные события, которые всколыхнули мир в апреле нынешнего года и стали стержневыми темами публикаций очередного, 43-го номера журнала «Современный Иран».

26 марта войска стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) начали военную операцию под названием «Решительный шторм» против Йемена, громко заявив, что ее цель — восстановление законной власти бежавшего из страны и ранее подавшего в отставку президента Абу Мансура Хади и изгнание повстанцев-хусистов из Саны и тех провинций, которые они заняли, начиная с сентября 2014 года.

«Политологи, как западные, так и российские, и арабские, тут же дали множество объяснений: от опасений КСА и ее союзников возможностью установления иранского контроля над Баб эль-Мандебским проливом, через который проходит 25% мирового экспорта нефти, прежде всего из стран Персидского залива, до обострения суннито-шиитского противостояния на всех направлениях», — отмечается в статье **«Йемен — война Саудовской Аравии против Ирана»**. — *«Хотя на самом деле все гораздо проще: через 3 дня начинались решающие переговоры по иранской ядерной программе (ИЯП) в Лозанне между «шестеркой» международных посредников, а в реалии между США и Ираном для выхода на окончательное соглашение по ядерной проблеме ИРИ. И если бы это соглашение состоялось, то с Тегерана снялись бы финансово-экономические санкции, введенные ранее Западом через СБ ООН и на двустороннем уровне, а Вашингтон начал бы ускоренную нормализацию отношений с Ираном. А именно этого больше всего опасаются в Эр-Рияде, где боятся потерять статус основного союзника США в регионе»*.

Ситуация в Йемене вызвала жесткую реакцию Тегерана. *«Убивать детей, разрушать жилые дома и уничтожать инфраструктуру страны — это преступление и геноцид, виновные в котором должны быть привлечены к ответственности на международном уровне»*, — заявил Али Хаменеи в специальном обращении. — *«Их (саудитов — Iran.ru) агрессия в Йемене неприемлема, и я предупреждаю, что они должны прекратить свои преступления»*. Действия Эр-Рияда Верховный лидер сравнил с карательными операциями Израиля в секторе Газа, и в традициях иранской дипломатии это, пожалуй, пик негативных оценок. *«Верховному лидеру Ирана Али Хаменеи чужды лукавство политкорректности и самообман. Те страны, которые имели несчастье получить за последние 20 с лишним лет статус «международного проекта» — Югославия, Сомали, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и далее по списку — в большинстве своем так и остались открытыми ранами на теле международного сообщества. Грубое и необдуманное вмешательство извне сделало их территориями гуманитарных катастроф, источником угроз для соседей по региону. И это та реальность, о которой Рахбар не забывает повторять политикам и общественности»*, — отмечается в редакционном комментарии Iran.ru по этому по-

воду, который публикуется в журнале «Современный Иран» под заголовком **«Али Хаменеи о Йемене: То, что совершают саудиты, — преступление»**.

Арабская агрессия в Йемен силами коалиции во главе с Саудовской Аравией вновь вызвала разговоры о возможности создания «арабского НАТО», призванного обеспечивать безопасность в регионе. Только стоит вопрос, а против кого должен создаваться этот военно-политический союз? На этот вопрос пытается найти статья **«Попытка возродить идею „арабского НАТО“»**, автор которой особо подчеркивает, что *«сегодня уже существует оборонительный союз государств Персидского залива в составе Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Бахрейна и Омана. У них имеются объединения военно-морских и военно-воздушных сил, а также спецподразделения «Щита Аравийского полуострова». Но сделать пушечным мясом свои армии малочисленные страны-члены ССАГПЗ не хотят. Эту роль они готовы отвести Египту. Египетская армия самая серьезная и по численности, и по вооружению, она почти каждый год получает от Вашингтона более миллиарда долларов на военные цели и закупку вооружения. Но Каир к этому не слишком готов, учитывая мощные исламистские настроения среди своих солдат и офицеров»*. А, следовательно, сама идея создания «арабского НАТО» обречена на провал.

Та стремительность, с которой Египет, Турция и Пакистан выразили поддержку организованной саудитами операции против Йемена, вызвала массу вопросов. Конечная цель Эр-Рияда в этой войне очевидна — «противостояние иранской экспансии». Но разделяют ли эту цель Каир, Анкара и Исламабад? Или же участием в коалиции и поддержкой «Решительного шторма» они пытаются решить в первую очередь свои проблемы? В материале **«Призрачное единство „коалиция решительных“»** подробно разбираются те интересы, которые движут основными игроками в Йемене, в частности — Турцией и Египтом. *«Широко разрекламированное единство „коалиции решительных“ представляет собою не более чем миф. Те, кто всерьез намерен бороться с «иранской экспансией в Йемене», участники монархического „Священного союза“, не имеют для этого серьезных военных возможностей. Те, кто этими возможностями обладает, стремятся извлечь из своей поддержки „Священного союза“ максимум финансовых и политических выгод, при этом совершенно не собираясь всерьез воевать ни за интересы Эр-Рияда, ни против Ирана»*, — делает вывод автор.

Не менее тщательно в 43-м номере журнала «Современный Иран» разбираются и итоги переговоров по ядерной программе. Накал страстей, царивший в ожидании благоприятного исхода переговоров в Лозанне — достижение «промежуточных договоренностей» об основных принципах Соглашения по иранской ядерной программе (ИЯП) — к утру 2-го апреля достиг градуса тихой истерии. Последовавшее ближе к середине дня заявление российского министра иностранных дел Сергея Лаврова о том, что договориться по ключевым вопросам все же удалось, атмосферу, конечно, несколько разрядило. Но вместе с тем стало понятным, что прорыва не будет. *«Барак Обама и Джон Керри так долго убеждали и американский Конгресс, и своих союзников, и остальной мир в том, что „с Ираном у них все развивается как нельзя лучше“, что „сделка с Тегераном практически достигнута“ и осталось решить лишь несколько пустяковых технических вопросов, что сами в это поверили»*, — говорится в редакционном комментарии **«Лозанна: „промежуточно“ поговорили. Что дальше?»** В реальности же — итоги пере-

говоров оказались более чем скромные. Сегодня, после Лозанны, процесс подготовки и подписания итогового Соглашения не так уж и далеко ушел от того места, где он был 18 месяцев назад. Нет никаких сомнений, что официальные представители стран, принимавших участие в переговорах, будут заверять нас в «значительном прогрессе», «серьезных перспективах» и своем «оптимизме». Обойдемся без политкорректности — к результатам Лозанны вполне уместно применить выражение «гора родила мышь». Как отмечается в редакционном комментарии, *«говорить о „прогрессе“, достигнутом в Лозанне, как минимум некорректно. Даже то, о чем все-таки удалось договориться, — хрупко, ненадежно и вполне обратимо»*. 31 марта, получив от Керри информацию о состоянии дел на переговорах, Барак Обама провел экстренное совещание с ключевыми участниками своей команды, отвечающими за национальную безопасности и внешнюю политики, в числе которых были вице-президент Джозеф Байден, министр обороны Эштон Картер и помощник президента по национальной безопасности Сьюзан Райс. Тема обсуждения: *«Иран оказался более неподатливым, чем мы думали. И что теперь делать?»*

Между тем, отмена запрета на поставку С-300 в Иран и подтверждение сделки «российские товары в обмен на иранскую нефть» — стали, без всякого сомнения, главными новостями месяца. Означает ли это, что в отношениях между нашими странами наступила долгожданная «весна»? И если да — то каким будет политическое «лето» для Москвы и Тегерана? «Легкие истерические всхлипы еще толком не оправившихся от шока западных политиков и комментаторов — решения, дескать, незаконны и чего-то там подрывают — конечно, обернутся еще ушатом грязи для Москвы, но по большому счету их не стоит принимать во внимание. Это реакция склочной жены, уверенной, что может скандалить, лгать, изменять — и ничего ей не будет... Вы стремились всячески принизить роль России в процессе урегулирования вопроса по иранской ядерной программе? За спиной Москвы вы сепаратно предлагали Тегерану некие политические «преференции» в обмен за отказ от партнерства с Россией? Вы заваливали нас обещаниями всяческих благ за отказ от сотрудничества с Тегераном? Все эти годы, с момента встречи Владимира Путина с Верховным лидером Али Хаменеи вы лгали, юлили и интриговали. Так на что же теперь вы жалуетесь — на то, что две страны наконец-то решили обходиться без посредников?», — говорится в материале **«Российско-иранская весна»**.

Вполне очевидно, что Вашингтон и его союзники на Ближнем Востоке — Израиль и саудиты — намерены заставить Россию заплатить за излишнюю, по их мнению, самостоятельность. За робкое сближение с Ираном, за Сирию, Египет, за попытки напомнить о том, что кроме права сильного есть еще и право международное. Этому трио Москва в регионе не нужна ни под каким видом и ни в какой роли. Поэтому сейчас, при полной поддержке США, Тель-Авив и Эр-Рияд начнут атаку на российские позиции. Это новая реальность, которая требует продуманной стратегии, адекватного ответа и отказа от иллюзий. *«Указ российского президента об отмене запрета на поставку Тегерану С-300. По сути, Кремль заявил, что у России есть свои интересы на иранском направлении — и политические, и экономические. И продолжать делать эти интересы заложником геополитических интриг США и его союзников Москва больше не намерена. Подобный ход и в Вашингтоне, и в Тель-Авиве, и в Эр-Рияде расценили не как вызов,*

а как откровенное оскорбление, не побоюсь этого сравнения — как покушение на святое», — пишет в своей статье **«Время вызова: Израиль и саудиты против России»** главный редактор журнала «Современный Иран» Раджаб Сафаров. И *«в преддверии схватки, именно схватки, будем называть вещи своими именами, Москве нужна новая стратегия на Ближнем Востоке, одним из элементов которой должно стать активное и всесторонне продуманное партнерство с Тегераном и другими региональными силами. А от иллюзий в отношении „многовекторности“, „диалога“ с Тель-Авивом и Эр-Риядом пора бесповоротно избавляться»*, — уверен он.

Крайне своевременное заявление, особенно — с учетом того, что подобный вопрос, о новой политике Америки, задается и по другую сторону океана. *«Ближневосточная политика США в целом, и в отношении Израиля, Ирана, Саудовской Аравии в частности, мотивирована сугубо прагматическими соображениями. Речь идет, прежде всего, о попытке сохранения американской гегемонии в стратегически важном регионе»*, — подчеркивается в статье **«Израильское лобби в США и в мире теряет влияние»**.

Разумеется, это не все, а лишь основные материалы нашего очередного, 43-го номера журнала «Современный Иран». Но и их, как думается, достаточно, чтобы оправдались наши надежды — представить читателям объективную и реальную картину событий прошлого месяца, касающиеся и Ирана, и всего региона в целом.

Владимир Алексеев

Йемен — война Саудовской Аравии против Ирана

26 марта войска стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), за исключением Омана, при участии Иордании, Египта, Судана и Марокко, а также при заявленной готовности Пакистана примкнуть к этой «коалиции» во главе с Саудовской Аравией, вплоть до направления сухопутных войск, начали военную операцию под названием «Решительный штурм» против Йемена, громко заявив, что ее цель — восстановление законной власти бежавшего из страны и ранее подавшего в отставку президента Абу Мансура Хади и изгнание повстанцев-хусистов из Саны и тех провинций, которые они заняли, начиная с сентября 2014 года.

На позиции хусистов и объекты гражданской инфраструктуры обрушились бомбы более 180 боевых самолетов (из них 100 — ВВС КСА, 30 — ВВС ОАЭ, 10 — Катара и т.д.). Одновременно, для оправдания своей агрессии, из Эр-Рияда и ряда других арабских столиц раздались и громкие обвинения в адрес Ирана, который якобы своими действиями, в том числе и в плане поддержки хусистов, дестабилизировал ситуацию в регионе и стал угрожать безопасности арабского мира в целом. Упомянуты при этом были Сирия, Ирак и ливанская Хизбалла, которые, по утверждению саудовцев, как и Йемен, стали объектами шиитской экспансии Тегерана. При этом саудовцами в известность заранее не были поставлены США, что не соответствует высокому уровню военно-политического партнерства КСА и в целом стран ССАГПЗ с Вашингтоном. И сразу же возникли вопросы по поводу того, почему арабская агрессия против Йемена началась именно в этот момент и столь странным образом? Ведь ситуация мало чем отличалась от того, что было и две недели, и месяц, и два тому назад.

Основная причина вторжения в Йемен

Политологи, как западные, так и российские и арабские, тут же дали множество объяснений: от опасений КСА и ее союзников возможностью установления иранского контроля над Баб эль-Мандебским проливом, через который проходит 25% мирового экспорта нефти, прежде всего из стран Персидского залива, до обострения суннито-шиитского противостояния на всех направлениях. Хотя на самом деле все гораздо проще: через 3 дня на-

чинались решающие переговоры по иранской ядерной программе (ИЯП) в Лозанне между «шестеркой» международных посредников, а в реалии между США и Ираном для выхода на окончательное соглашение по ядерной проблеме ИРИ. И если бы это соглашение состоялось, то с Тегерана снялись бы финансово-экономические санкции, введенные ранее Западом через СБ ООН и на двустороннем уровне, а Вашингтон начал бы ускоренную нормализацию отношений с Ираном. А именно этого больше всего опасаются в Эр-Рияде, где боятся потерять статус основного союзника США в регионе. Тем более что все шансы заменить Эр-Рияд в этом качестве имеет именно Тегеран как наиболее крупная и самая перспективная во всех отношениях страна на Ближнем Востоке, обладающая крупнейшими запасами нефти и газа и огромным человеческим потенциалом. Давно понятно, что по ИЯП для Барака Обамы уже все равно как будут двигаться дела. США понимают, что ИЯП остановить невозможно, но тем не менее они все сделают для того, чтобы как-то и чем-то помешать ее развитию. Сейчас главное для Вашингтона — найти предлог в виде показного отказа Ирана от военной ядерной программы, чтобы оправдать свое согласие перед европейцами, ССАГПЗ, Израилем и своим внутренним общественным мнением, а также республиканским большинством в Конгрессе и Сенате. Ведь переговоры по ИЯП де-факто уже более года назад стали скорее переговорами по модальности нормализации американо-иранских отношений под зонтиком «шестерки» посредников, включая Россию. На самом деле эти переговоры призваны скрыть истинный смысл того, что происходит на самом деле. Москва, похоже, наконец-то осознала, что своей бездумной прозападной позицией по ИЯП она все больше и больше толкала Тегеран в объятия Вашингтона.

Сейчас главное для Вашингтона — найти предлог в виде показного отказа Ирана от военной ядерной программы

В этих условиях Саудовская Аравия и пошла на вторжение в Йемен, надеясь, что это осложнит процесс нормализации американо-иранских отношений, поскольку пока что Вашингтон еще не готов порвать с КСА и ССАГПЗ ради не совсем еще ясных перспектив партнерства с Тегераном. Ведь высшее иранское руководство в лице аятоллы Хаменеи никаких обязательств не давало. А американской администрации нужно четко знать, перейдет ли ИРИ в проамериканский лагерь и пустит ли корпорации США и ЕС к разработке нефтяных и газовых ресурсов страны.

И действительно, помолчав некоторое время в удивлении от наглости саудовцев, американцы были вынуждены не очень четко пробурчать о поддержке борьбы против хусистов и готовности оказать арабской коалиции помощь разведданными. При этом резких заявлений относительно «экспансии» Ирана на Ближнем Востоке в Вашингтоне не сделали, просто обойдя молчанием эту тему. Естественно, реакция Ирана не заставила себя ждать: там осудили арабскую агрессию и тех, кто ее поддерживает. Видимо не случайно, что именно в этих условиях сразу же наметились трудности на переговорах в Лозанне, а достаточно оптимистические заявления зазвучали не столь бодро. Более того, в Тегеране поспешили опровергнуть утверждения мировых СМИ о том, что до соглашения осталось сделать буквально шаг-два. Так что в тактическом плане Эр-Рияд обыграл Вашингтон. Более

того, не без саудовского воздействия необычно резкие заявления относительно региональной политики Ирана сделал и турецкий президент Реджеп Эрдоган, причем накануне своего визита в ИРИ. Да еще призвал США продолжить давление на Дамаск, обвинив ИРИ в поддержке шиитов как в Сирии, так и Ираке. А позиция такого крупного игрока в регионе, да еще члена НАТО — это очень серьезная вещь.

Ошибки российской дипломатии

К сожалению, приходится констатировать, что как и в случае с арабскими «цветными» революциями 4 года назад, российская дипломатия опять допустила серьезные ошибки, неправильно оценив ситуацию в регионе, тенденции ее развития и реальные намерения ряда арабских стран, с которыми Москва хотела установить тесное партнерство, прежде всего экономическое. Речь идет прежде всего о Саудовской Аравии и Катаре.

Запустив в 2011 году диалог в формате РФ-ССАГПЗ на уровне министерств иностранных дел для стимулирования торгово-экономических отношений, Россия ничего от этого не получила в практическом плане, прежде всего в сфере привлечения инвестиций из богатых стран Персидского залива. Зато выслушала много замечаний в свой адрес по поводу позиции по Сирии. А сейчас Москва вообще получила публичный плевок от Саудовской Аравии. Когда президент Владимир Путин направил свое обращение саммиту ЛАГ в Шарм аль-Шейхе, который был созван 29 марта для обсуждения йеменского вопроса, а де-факто для того, чтобы придать агрессии Эр-Рияда региональную легитимность, глава МИД КСА Сауд аль-Фейсал нагло заявил на общеарабском саммите, что Россия могла бы добиться более высокого уровня отношений с арабами, если бы перестала негативно влиять на конфликты в регионе. Хотя в обращении российского лидера содержался лишь призыв к миру и стабильности на Ближнем Востоке путем урегулирования конфликтных ситуаций, включая йеменскую. Не прошли саудовцы и мимо сделанного накануне заявления российского министра иностранных дел: во время латиноамериканского турне Сергей Лавров призвал к диалогу между внутрийеменскими сторонами и предупредил об опасности обострения суннито-шиитского конфликта. Это заявление стало показательным: оно продемонстрировало, что Россия все-таки публично, хоть и весьма аккуратно, подвергла критике негативную роль аравийских монархий, настроенных против Ирана, а также то, что реакционные суннитские режимы Аравии ведут борьбу против непослушных им режимов в Сирии и Ираке, прикрываясь рассуждениями о некой шиитской экспансии Ирана через эти страны. Особую злобу в странах ССАГПЗ вызвали телефонная беседа российского и иранского президентов по Йемену и встреча в Лозанне глав МИД РФ и ИРИ по этому же вопросу. Видимо, в Эр-Рияде рассчитывали, что Москва как всегда будет хранить молчание, как это было во время «цветных» революций, тем более что сейчас для нее важнее всего решение кризиса на Украине.

Российская дипломатия опять допустила серьезные ошибки, неправильно оценив ситуацию в регионе, тенденции ее развития и реальные намерения ряда арабских стран

Еще одна ошибка российской дипломатии — это не совсем понятное ускоренное сближение с Египтом, который оказался в одном окопе с ССАГПЗ в войне против Йемена. А ведь так красиво прошел визит Владимира Путина в Каир в феврале сего года! Сколько было произнесено красивых слов и сколько достигнуто договоренностей — от борьбы с терроризмом до развития ядерной энергетики в АРЕ. А ведь надо было помнить, что Египет как был, так и остается в орбите влияния США и реально зависит от Вашингтона в политическом и военном плане, а в финансовом отношении просто привязан к прямым вливаниям денег из Саудовской Аравии. Разве России по силам тягаться с этим, тем более что все контракты в сфере ВТС должны оплачиваться Эр-Риядом? И без нынешнего кризиса Москва не смогла бы финансово и экономически потянуть на себе обнищавший за годы после «цветной» революции Каир, которому изнутри продолжают угрожать «Братья-мусульмане». А тут в условиях западных санкций и низкой цены на нефть надо самим выживать. Но зато визитом в Каир удалось сильно раздразнить и США и КСА. Денег на контракты в ВТС так и не поступает. На президента Сиси так разозлились и в Вашингтоне, и в Эр-Рияде, что ему пришлось в числе первых кричать о поддержке агрессии в Йемене и выражать готовность поддержать ее направлением египетских войск и военных кораблей. И вообще, скорее всего Сиси заменят на более покладистого деятеля. Так что с Египтом скорее всего у нас ничего не получится, как бы этого ни хотели в России. Тем более что на саммите ЛАГ Сауд аль-Фейсал публично раскритиковал египетского лидера за то, что тот зачитал обращение Владимира Путина. И Сиси вынужден был проглотить то, что министр отчитал главу самого крупного арабского государства как мальчишку.

Наконец, ошибки России непосредственно по решению йеменской проблемы. Не совсем понятно, почему Москва с самого начала следовала в фарватере политики США и ССАГПЗ, поддерживая все их инициативы и предложения. Зачем-то Россия поддержала, хотя и молча, свержение давнего партнера Москвы президента Али Абдалла Салеха и начала поддерживать проамериканского Абу Мансура Хади. Затем Россия поощряла те решения, которые навязывались Сане в рамках инициативы ССАГПЗ по урегулированию йеменского вопроса, направленные против хусистов и исключительно в пользу прозападных и просаудовских участников конфликта? Москва также проштамповывала все решения, предлагаемые Западом в СБ ООН, и оказывала всяческое содействие миссии эмиссара генсекретаря ООН Бенномары, который продавливал все в пользу Саудовской Аравии и США. Арабскую агрессию против Йемена в Москве тоже явно прозевали, иначе бы там не оказались заложниками ситуации в условиях бомбардировок сотни российских граждан, включая посла. Хорошо хоть генерального консула из Адена удалось вывезти на российском крейсере из Адена.

Столь любезные для Запада и ССАГПЗ шаги Москвы, тем более после введения антироссийских санкций Вашингтоном и ЕС и явного нежелания аравийских монархий развивать отношения с РФ, трудно объяснить. Тем более после того, как Вашингтон и Эр-Рияд совместно обрушили мировые цены на нефть и тем самым нанесли огромный ущерб российской экономике. И только недавнее заявление Сергея Лаврова стало чем-то новым в йеменской политике Москвы.

Но, главной ошибкой российской дипломатии состоит в том, что за десятилетия ее новейшей истории, так и не удалось наладить партнерские и, тем более, доверительные отношения с Ираном. Казной России не получены десятки миллиардов долларов от возможного участия в крупных экономических проектах с этой страной. Товарооборот с Ираном в прошлом году составил менее одного миллиарда долларов. Россия, мало того, что сама не общалась с Ираном, она многократно вводила санкции против ИРИ, голосуя в СБ ООН в пользу западных проектов резолюций, фактически продвигая интересы Запада по ИЯП. Видимо, в Москве очень хотели поверить пустым обещаниям США по различным вопросам и обещаниям Саудовской Аравии закупить российское оружие на миллиарды долларов в обмен на то, что партнерство с Тегераном не будет развиваться. Ведь, Россия так и не поставила ЗРК С-300 Ирану, видимо, в надежде на, что Запад это как-то оценит, а Саудовская Аравия компенсирует в финансовом плане потери от так и не состоявшегося сотрудничества.

Что будет с Йеменом?

Ясно, что одни воздушные удары по Йемену ничего не дадут. Хусисты, конечно, несут потери, но основные жертвы — это мирное население. Ведь саудовские пилоты не такие мастера, как американские, да и высокоточного оружия у ВВС КСА нет. Так что бомбы падают куда попало. Ясно и то, что без крупномасштабной сухопутной операции хусистов невозможно победить. Они уже вошли в Аден, лишив бывшего президента Абу Мансура Хади возможности вернуться в страну хоть на маленький ее пятачок и хоть формально провозгласить себя под громкие крики поддержки ССАГПЗ и Запада лидером Йемена. Сейчас он — фигура в изгнании. Египту направлять войска в Йемен слишком опасно. В страну будут возвращаться многочисленные гробы с телами египетских солдат, что только усилит исламистские настроения и ослабит и без того шаткие позиции Сиси. Саудовской Аравии, которая якобы сосредоточила 150 тыс. солдат вблизи Йемена, входить на его территорию тоже опасно. Королевство переживает далеко не лучшие времена после недавней смерти прежнего короля и прихода нынешнего, которая запустила процесс перетасовки высших кадров в госаппарате, в армии и службах безопасности. К тому же хусисты — мастера ведения партизанской войны и потери саудовцев, которые являются далеко не лучшими воинами, будут огромными. А значит усилится угроза стабильности королевскому режиму. А если еще начнутся выступления шиитов Восточной провинции КСА и шиитов Бахрейна в знак солидарности с шиитами-хусистами, то дела в Саудии примут очень негативную окраску. Прибегать к помощи сильно зависящего от саудовских подачек Пакистана, который предложил направить свои войска в Йемен, как-то стыдно. Ведь Пакистан — не арабская страна, а мандата ООН или ОИК у него нет. Создать общеарабские вооруженные силы, как было предложено на саммите ЛАГ, не так просто. Да и против кого? Сотни миллионов арабов никак не могут справиться с крошечным Израилем, который выиграл все войны с коллективным арабским участием, хотя при этом регулярно кричат о поддержке палестинского народа и намерении «освободить» Иерусалим от сионистов. Против кого эта армия? Против Ирана? Или для подавления выступлений собственных народов, которые не хотят жить под пятой американско-

го и саудовского управления? Поэтому уже сейчас стали звучать призывы к возобновлению внутрийеменского диалога. Совершенно понятно, что одной силой хусистов не одолеть, либо страна вступит в полосу перманентной войны на конфессиональной основе, разжигая и без того острый суннито-шиитский конфликт. Да и у Абу Мансура Хади нет сильных сторонников в Йемене. Зато они есть у Али Абдалла Салеха, за которого выступает основная часть вооруженных сил. И у него уже нет другого пути, кроме как выступать в союзе с хусистами.

* * *

В общем, желая наказать США и Иран, Эр-Рияд и его союзники развязали очередной и очень опасный конфликт в регионе. Причем прямо у своих границ. И добром это не закончится. Саудия пока что не тянет на роль регионального жандарма. Да и многие арабы ее просто терпеть не могут за то, что она ведет себя как слон в посудной лавке. Зато безусловно от нынешней заварухи в Йемене выиграет Иран, который уверенно укрепляет мирным путем свои позиции в Персидском заливе и на Ближнем Востоке. Выиграют также Ирак и Сирия, которые, пока продолжается война в Йемене, могут чувствовать себя спокойно, поскольку сейчас КСА и их аравийским союзникам просто не до них. А вот Россия, если будет продолжаться такая вялая и непонятная позиция, точно ничего не получит.

Лозанна: «промежуточно» поговорили. Что дальше?

Накал страстей, царивший в ожидании благоприятного исхода переговоров в Лозанне — достижение «промежуточных договоренностей» об основных принципах Соглашения по иранской ядерной программе (ИЯП) — к утру 2-го апреля достиг градуса тихой истерии. Последовавшее ближе к середине дня заявление российского министра иностранных дел Сергея Лаврова о том, что договориться по ключевым вопросам все же удалось, атмосферу, конечно, несколько разрядило. Но вместе с тем стало понятным, что прорыва не будет.

Барак Обама и Джон Керри так долго убеждали и американский Конгресс, и своих союзников, и остальной мир в том, что «с Ираном у них все развивается как нельзя лучше», что «сделка с Тегераном практически достигнута» и осталось решить лишь несколько пустяковых технических вопросов, что сами в это поверили. Поэтому и главе американской дипломатии Джону Керри, и многочисленным экспертам поездка в Лозанну, где по требованию Конгресса США к 31 марта должно было быть подписано «промежуточное соглашение» между Тегераном и «шестеркой» международных посредников, воспринималась как чистая формальность. Выполнив которую можно было бы спокойно наслаждаться славой «администрации, положившей конец 36-летнему ирано-американскому противостоянию».

Во время переговоров, проходивших в ноябре минувшего года, госсекретарь США прекрасно прогулялся вдвоем с Джавадом Зарифом, полюбовался швейцарскими красотами и даже прикупил подарки своим домашним на Рождество. Начиная эту поездку, он — почему бы и нет? — вполне мог помечтать о том, как потратить полагающуюся за предстоящий успех Нобелевскую премию. Не случилось, дипломатический блицкриг не удался — переговоры превратились в изматывающий марафон, изобиловавший откровенно драматическими моментами.

За самообман дорого пришлось заплатить — уже к исходу субботы, 28 марта, когда, казалось бы, наступило время обсуждения текста итогового документа, американская делегация вдруг осознала, что все выглядит не так радужно, как это представлялось еще несколько дней назад. А воскресное утро вообще началось с «холодного душа» — официальные иранские представители заявили о том, что об одном из важнейших условий соглашения, передаче большей части уже обогащенного урана на хранение в Россию, не может быть и речи. «Мы потратили на его производство годы и миллиарды долларов. И отправлять эти запасы за границу совершенно не входит в наши намерения», — заявил Аббас Аракчи иранским журналистам, которые, разумеется, тут же транслировали эти слова на весь мир.

Тонкие нюансы переговорного процесса

Как подметил один из наблюдателей, в Лозанне «Джон Керри проводит в общении с Джавадом Зарифом времени куда больше, чем с любым другим министром иностранных дел». Это совсем неудивительно, поскольку все лавры победителей в столь сложном и деликатном деле, как переговоры по иранской ядерной программе, Вашингтон давно и бесповоротно намерен записать исключительно на свой счет. Проблема лишь в том, что проводя время в обществе Джавада Зарифа, Джон Керри так и не понял менталитет иранских переговорщиков: да, они готовы идти на серьезные компромиссы, что уже не раз доказывали. Но для них сегодня критически важно, как эти компромиссы будут сформулированы, не будут ли они восприняты дома, в Иране, как капитуляция.

Вашингтон любит устанавливать для других «красные линии». Но точно такие же линии существуют и у Ирана. Первая из них — сохранение за Тегераном тех прав, которые даны ему Договором о нераспространении ядерного оружия. То есть — и проведение атомных исследований в мирных целях, и сохранение части работающих центрифуг, и самостоятельного обогащения, пусть всего лишь до 5–25-процентного уровня — здесь важен сам факт, а не его практическая значимость.

Вторая — снятие некоторых санкций ООН. Иран рассматривает эти санкции как незаконные, а потому резонно полагает, что они, пусть и не все сразу, но хотя бы частично должны быть отменены на ранних стадиях переговоров. Напомним, что санкции ООН касаются поставок Тегерану наступательных видов вооружения, ядерных технологий, некоторых аспектов финансов и торговли, а также запретов на перемещение по миру и «заморозку» активов ряда иранских официальных лиц. Эти «красные линии» и определили тройку основных разногласий, по которым так и не удалось достичь конкретных договоренностей в Лозанне.

Итог 18 месяцев титанических усилий дипломатов

Как выглядят сегодня позиции сторон? Если говорить кратко и схематично, то основные «промежуточные» принципы, достигнутые после 18 месяцев напряженной работы дипломатов и изматывающего многодневного «сидения в Лозанне», выглядят следующим образом:

Срок действия ограничений в отношении ядерной программы Ирана. Стороны согласились, что работы по обогащению урана должны быть ограничены на срок не менее 10 лет. Однако Иран считает, что после этого срока все ограничения должны быть сняты. А его оппоненты на переговорах настаивают на том, что они должны отменяться поэтапно в течение последующих пяти лет. Кроме того, Иран сократит число действующих центрифуг до примерно шести тысяч из 18 тысяч имеющихся. Вопрос о том, какая именно часть обогащенного урана должна быть вывезена из страны, будет решаться на дополнительных переговорах.

Снятие санкций. Стороны в принципе согласились, что некоторые санкции ООН (какие именно — предстоит еще согласовать) будут отменены вскоре после достижения окончательных договоренностей в июне 2015 года. Судьба остальных санкций будет решаться поэтапно, по итогам тщательного

международного мониторинга процесса выполнения Тегераном достигнутых договоренностей.

Однако, Иран продолжает настаивать на том, что санкции, касающиеся таких секторов экономики, как нефть, финансы и банковская деятельность, должны быть отменены сразу же после заключения итогового Соглашения. И это является главным камнем преткновения в переговорном процессе. Необходимо отметить, что этот пункт вообще вызвал наиболее ожесточенные дебаты в последние часы переговоров, и, по имеющейся у Иран.ру информации, делегация США пригрозила выйти из переговоров в случае отказа иранских переговорщиков согласиться с данным пунктом итогового документа. Что же касается так называемых односторонних санкций, введенных США и ЕС, то нет никаких сомнений, что каждая из них в будущем станет как предметом ожесточенного торга, так и способом давления Запада на Тегеран.

И, наконец, гарантии выполнения достигнутых договоренностей. Стороны договорились о формах постоянного международного контроля за исполнением Ираном достигнутых соглашений. В случае выявления нарушений, санкции в отношении него будут введены вновь. Однако, вопрос о процедуре повторного ввода этих санкций так до конца и не определен. Впрочем, уж кто-кто, а Вашингтон и здесь оказался впереди всех. Переговоры в Лозанне еще не начались, а 26 марта Сенат США единогласно проголосовал за поправку к закону о бюджете, которая должна упростить порядок повторного введения односторонних санкций в отношении Ирана. Разумеется, в случае нарушения им условий как ныне действующего «временного», так и предстоящего «окончательного» соглашения по ядерной программе.

Итоги, как мы видим, более чем скромные. Сегодня, после Лозанны, процесс подготовки и подписания итогового Соглашения не так уж и далеко ушел от того места, где он был 18 месяцев назад. Нет никаких сомнений, что официальные представители стран, принимавших участие в переговорах, будут заверять нас в «значительном прогрессе», «серьезных перспективах» и своем «оптимизме». Обойдемся без политкорректности — к результатам Лозанны вполне уместно применить выражение «гора родила мышь».

* * *

Говорить о «прогрессе», достигнутом в Лозанне, как минимум некорректно. Даже то, о чем все-таки удалось договориться, — хрупко, ненадежно и вполне обратимо. 31 марта, получив от Керри информацию о состоянии дел на переговорах, Барак Обама провел экстренное совещание с ключевыми участниками своей команды, отвечающими за национальную безопасности и внешнюю политики, в числе которых были вице-президент Джозеф Байден, министр обороны Эштон Картер и помощник президента по национальной безопасности Сьюзан Райс. Тема обсуждения: «Иран оказался более неподатливым, чем мы думали. И что теперь делать?» Представляется, что американский ответ на этот вопрос мы узнаем в самое ближайшее время.

Игорь Панкратенко

Призрачное единство «коалиция решительных»

Та стремительность, с которой Египет, Турция и Пакистан выразили поддержку организованной саудитами операции против Йемена, вызвала массу вопросов. Конечная цель Эр-Рияда в этой войне очевидна — «противостояние иранской экспансии». Но разделяют ли эту цель Каир, Анкара и Исламабад? Или же участием в коалиции и поддержкой «Решительного шторма» они пытаются решить в первую очередь свои проблемы?

Впрочем, сколь стремительно «коалиция решительных» возникла, столь же быстро начали множится «непонятности», связанные с главным вопросом — чего же она хочет добиться в Йемене? С устремлениями Эр-Рияда и возглавляемого им «священного союза монархий Персидского залива» все более чем понятно — не для того после «арабской весны» они ставили президентом Мансура Хади, чтобы сейчас позволить выкинуть его из страны подозреваемым в связях с Ираном хуситам, которые, вдобавок, заключили союз с ненавистным саудитам бывшим главой государства Али Абдаллой Салехом.

План «Решительного шторма» предполагает два варианта того, что можно было бы считать победой. Программа-максимум предусматривает возвращение Хади к власти и установление лояльными ему силами, поддержанными коалицией, контроля над всей страной. Программа-минимум более скромна и будет считаться выполненной в случае, если хуситы и сторонники Салеха будут вытеснены на Север страны, в некий анклав, который будет блокирован с воздуха, земли и моря. А кроме того, еще и международными санкциями, которые сейчас дипломаты «Священного союза» пытаются продавить в ООН, ожесточенно и агрессивно дискутируя по этому поводу с российскими и китайскими дипломатами.

Главная проблема в достижении что программы-максимум, что программы-минимум заключается в том, что без наземной операции ни один из этих вариантов не может быть реализован. Ударами с воздуха добиться поражения тех, кого саудиты называют «мятежниками» и «иранскими марионетками», невозможно. Что, собственно, вчера, 2 апреля, хуситы и доказали, когда не обращая внимания на бомбардировки коалиции и преодолев сопротивление сторонников Хади взяли президентский дворец «Эль-Маашик» в Адене, установив контроль над этим городом, столицей Юга страны.

Но провести наземную операцию силами своих армий «Священный союз» не в состоянии. «Щит Залива» накачан самым современным оружием, расходы монархий на военные нужды одни из самых высоких в мире. Но воевать — некому. Хуситы и сторонники Салеха — это не шииты Бахрейна. С 1962 года они периодически устраивали «Вьетнамы» для интервентов, и хваленые саудовские гвардейцы для них — враг, мягко говоря, не самый серьезный. Поэтому саудиты рассчитывают, что бремя наземной операции взвалят на себя примкнувшие к «Священному союзу» египтяне и пакистанцы, а в создании сил, верных Хади, примут участие турецкие инструкторы, раз уж Анкара заявила о поддержке «Решительного шторма». Тут-то и начинаются щекотливые вопросы...

Что движет Эрдоганом?

Резкие антииранские заявления, сделанные турецким президентом в связи с ситуацией в Йемене, стали, пожалуй, одной из самых больших сенсаций, связанных с началом операции «Решительный шторм».

«Стремление Ирана к господству в регионе становится невыносимым... Иран и поддерживаемые им террористические группировки должны оставить Йемен в покое... Иран борется с «Исламским государством» только для того, чтобы занять его место», — таковы были выражения, которые публично употреблял Эрдоган, логично завершив свою речь обещанием «всяческой поддержки», которую Турция готова оказать Саудовской Аравии и «коалиции решительных».

Вполне естественно, что Тегеран не оставил без ответа подобные выпады. Последовали не менее жесткие заявления иранских политиков, а визит Эрдогана в Исламскую республику оказался под вопросом. В новейшей истории ирано-турецких отношений бывало, конечно, всякое, вплоть до высылки дипломатов, но до манипуляций с визитами на высшем уровне дело еще ни разу не доходило. Создавалось впечатление, что количество кризисных явлений в отношениях между Тегераном и Анкарой внезапно переросло в качество, и турецкий президент всерьез намерен объявить о присоединении страны не только к антийеменской, но и к антииранской коалиции.

Но руководство большинства арабских стран заявления Эрдогана встретили с откровенным подозрением. «Многие думают, что он своей воинственной риторикой пытается укрепить свои связи с монархиями Залива, которые конфликтуют с Турцией из-за связей Эрдогана с братьями-мусульманами. Мало кто верит, что он на самом деле готов действовать против Ирана», — заявил один из представителей «Священного союза» в интервью влиятельному изданию Al-Monitor.

В основе заявлений Эрдогана лежат сугубо практические мотивы, мало связанные и с антииранизмом, и с конечными целями Эр-Рияда в Йеменен

И это действительно так — в основе заявлений Эрдогана лежат сугубо практические мотивы, мало связанные и с антииранизмом, и с конечными целями Эр-Рияда в Йемене, и с идеями «неоосманизма», в которых турецкого президента давно подозревают некоторые эксперты. Разуме-

ется, Анкару откровенно раздражает политика Тегерана в Ираке и Сирии. Но не настолько, чтобы открыто и всерьез конфликтовать по этому поводу. Эрдогана сейчас больше занимают другие вопросы. В первую очередь — состояние турецкой экономики.

Как явствует из недавно опубликованных отчетов Стамбульской промышленной палаты, уровень задолженности 500 крупнейших компаний страны по отношению к их капиталу составил 132,4%. Общая сумма внешней задолженности частного сектора составляет сегодня уже 280 миллиардов долларов, что вполне обоснованно расценивается и правительством, и экономистами как серьезная проблема. Анкаре сейчас крайне необходимы «горячие деньги» — краткосрочные инвестиции для поддержания финансовой стабильности. Эти деньги есть у монархий Персидского залива и, демонстрируя свою поддержку политики Эр-Рияда, Эрдоган пытается получить к ним доступ.

Ну и, при случае, умножить свой политический капитал, выступив посредником между воюющими в Йемене сторонами. То есть голый расчет и полное нежелание сколько-нибудь всерьез воевать за саудовские интересы. О чем, кстати, вполне недвусмысленно выразился и министр иностранных дел Турции Чавушоглу, пояснив, что поддерживать-то Саудовскую Аравию Анкара, конечно, поддерживает, но ни о каком военном участии в «Решительном шторме» не может быть и речи. А вот в плане организации «политического диалога» — пожалуйста.

Каир отрабатывает долги. И не только…

Каир имеет свою печальную историю участия в йеменских конфликтах, в первую очередь — во время развернувшейся в стране гражданской войны 1962–1970 годов. На пике междоусобицы численность египетского контингента в стране составляла около семидесяти тысяч человек. Общие потери египтян составили тогда 26 тысяч, из которых десять тысяч — погибшие. Военная операция в Йемене, которую иногда называет «египетским Вьетнамом», серьезно обескровила Каир, поставила страну на грань финансового коллапса и послужила одной из причин сокрушительного поражения в арабо-израильской войне 1967 года.

На первый взгляд, сегодня история повторяется. Экономика Египта задыхается в тисках кризиса, Синай и ливийская граница по сути стали настоящими фронтами войны с исламистами. И решение ас-Сиси принять участие в «коалиции кающихся» представляется откровенной авантюрой, обусловленной только и исключительно тем, что его команде приходится «отрабатывать» те 23 миллиарда долларов, которые были получены Каиром и египетскими военными с июля 2013 года, после свержения ставленника местных «братьев-мусульман», президента Мухаммеда Мурси.

Военная операция в Йемене, которую иногда называет «египетским Вьетнамом», серьезно обескровила Каир, поставила страну на грань финансового коллапса

Но «повторением пройденного» все выглядит только на первый взгляд. Да, Абдул Фаттах ас-Си-

си «отрабатывает» долги. И кроме того, демонстрируя поддержку Эр-Рияду, стремится обеспечить инвестиции, обещанные ему «Священным союзом» на состоявшемся в нынешнем году экономическом форуме в Шарм-аль-шейхе. Но ас-Сиси не был бы самим собой, если бы участием в «коалиции решительных» не попытался решить целый ряд проблем как своего правительства, так и Египта в целом.

Никакого идеализма в отношениях с Эр-Риядом у Каира нет, а участие в операции в Йемене, с учетом уроков истории, сугубо ограничено. Умирать за саудовские интересы египетская армия и в мыслях не собирается.

Основные цели, которых Египет стремится сейчас достичь, заключаются в следующем:

Во-первых, Каир намерен обеспечить стратегическую безопасность Суэцкого канала, которая тесно связана со беспрепятственным прохождением судов в Баб-эль-Мандебском проливе, соединяющем Красное море с Аденским заливом.

Этот вопрос для Египта имеет огромное значение хотя бы потому, что только за 2014 год доходы от деятельности канала составили 5,4 миллиарда долларов. А кроме того, сегодня идет строительство его «дублера», «Суэцкого канала-2», протяженностью 72 километра, который, как полагают и египетские власти, и инвесторы, «превратит страну в один из крупнейших промышленных центров в мире и сделает его центром мировой экономики». И вдобавок, практически утроит доходы Каира от контроля за этими транспортными артериями.

По большому счету, Египту совершенно безразлично, с кем бороться за то, чтобы и Суэцкий канал, и его дублер действовали бесперебойно — с пиратами, хуситами, с кем угодно, лишь бы выйти на запланированный в 2023 году уровень дохода от прохождения судов почти в 14 миллиардов долларов. Борьба с «иранской экспансией» совершенно не входит в планы египетского руководства, и как только желаемая цель — относительная безопасность канала и пролива будет достигнута — Каир под разными предлогами начнет уклоняться от сколько-нибудь серьезного участия в «коалиции решительных».

Во-вторых, заявив о своей поддержке интересов Саудовской Аравии, Египет стремится улучшить отношения с США, а точнее — добиться возобновления американской военной помощи.

Что, собственно, ему и удалось, поскольку Вашингтон уже объявил о возобновлении военного сотрудничества с Каиром. В состоявшемся на днях телефонном разговоре с египетским президентом, Барак Обама также подтвердил, что после длительного перерыва Вашингтон готов возобновить сотрудничество и по ряду других вопросов, в том числе в обеспечении безопасности Синая и ливийской границы.

Ас-Сиси и здесь подтвердил свою репутацию «мастера политической балансировки» — заставил саудитов и США оплачивать операцию по обеспечению безопасности Суэцкого канала, которая нужна в первую очередь Каиру. Но имеет ли это отношение к поддержке саудовской «иранофобии» и поможет ли Эр-Рияду в достижении конечных целей операции в Йемене? Весьма сомнительно.

Тема участия в «Решительном шторме» Исламабада требует отдельного разговора. Замечу лишь, что хотя бизнес «семьи» нынешнего премьера Наваза Шарифа тесно связан с финансовыми интересами династии Саудитов, ни пакистанская элита, ни армия не намерены ради этого участвовать в саудовской авантюре. «В случае прямого вторжения в королевство мы мгновенно придем на помощь», — открыто заявляют они, — «но ведь прямой угрозы Эр-Рияду сейчас нет?»

* * *

В итоге, широко разрекламированное единство «коалиции решительных» представляет собою не более чем миф. Те, кто всерьез намерен бороться с «иранской экспансией в Йемене», участники монархического «Священного союза», не имеют для этого серьезных военных возможностей. Те, кто этими возможностями обладает, стремятся извлечь из своей поддержки «Священного союза» максимум финансовых и политических выгод, при этом совершенно не собираясь всерьез воевать ни за интересы Эр-Рияда, ни против Ирана.

Владимир Алексеев

Попытка возродить идею «арабского НАТО»

Нынешняя арабская агрессия в Йемен силами коалиции во главе с Саудовской Аравией вновь вызвала разговоры о возможности создания «арабского НАТО», призванного обеспечивать безопасность в регионе. Только стоит вопрос, а против кого должен создаваться этот военно-политический союз? Ведь межарабские силы и их командование прописаны в Уставе ЛАГ. И иногда это задействовалось в войнах против Израиля, правда каждый раз арабы получали по зубам, несмотря на свое численное и военное превосходство и поддержку СССР. Ясно, что сейчас речь идет не об Израиле, который теперь обладает ядерным оружием и способен разгромить все арабские армии вместе взятые. Значит, выдуман другой враг. И это — Иран, который якобы занимается шиитской экспансией в арабском мире. Ну и, конечно, это направлено против тех арабских стран, которые проявляют непокорность в отношении диктата Саудовской Аравии и ее сателлитов по ССАГПЗ. Например, против Йемена и Сирии, возможно и Ирака. Но насколько реальна эта идея?

Арабское НАТО — старая идея

Летом 2012 года, в разгар «цветных» арабских революций США пытались с помощью Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) объединить армии этих стран и создать региональные вооруженные силы под условным названием «арабское НАТО». Уже тогда этот военный альянс создавался для противостояния с Ираном, но план его создания быстро потерпел неудачу. А вообще-то, еще в 2011 году американская администрация при участии израильских советников задумала сформировать из арабских военных частей вооруженные силы для противостояния Ирану, но и тогда эти попытки не увенчались успехом. В этот альянс «региональной обороны», направленной против Ирана, должны были войти, помимо ВС ССАГПЗ, также и армии других стран, таких как Иордания и Марокко, то есть консервативных монархических режимов. Этот план начал реализовываться с началом войны в Ливии, и среди арабов его основным «двигателем» стал Катар. Сильные опасения аравийских монархий и США вызвал и кризис в Бахрейне, который был жестоко подавлен саудовскими войсками.

Для США все это было весьма выгодно. Ведь после объединения армий стран-членов ССАГПЗ их военные потребности увеличились бы, и США

могли бы продать им еще больше дорогих вооружений. Кроме того, создалась бы армия против Ирана, которая усиливала бы конфликт между шиитами и суннитами и при этом освободила бы США от необходимости непосредственно участвовать в схватке с Ираном. Ведь тогда Обама еще не дошел до новой стратегии в регионе, предполагающей нормализацию отношений с Тегераном и вовлечение ИРИ в орбиту прозападного влияния. И, наконец, американцы стремились одновременно с выводом своих войск из Ирака и Афганистана создать новые формы своего присутствия в регионе. Ну и, конечно же, ставился бы барьер на пути распространения «арабской весны» на арабские монархии Персидского залива, имеющих стратегически важное значение для США.

Первые шаги к «арабскому НАТО»

Тогда Вашингтону удалось лишь следующее:

1. Сформировать вооруженный контингент быстрого реагирования под названием «Щит Аравийского полуострова» в составе спецподразделений армий стран-членов ССАГПЗ, костяк которого составила механизированная дивизия из КСА. Именно она совершила интервенцию на Бахрейн.
2. ССАГПЗ заявил о начале изучения вопроса о том, можно ли включить в его состав бедные в финансовом отношении Иорданию и Марокко.
3. Страны-члены ССАГПЗ согласились действовать в качестве противоракетного щита НАТО, основные центры которого в настоящее время располагаются вдоль европейских границ России и в Турции. Для этого США разместили в Кувейте, КСА, на Бахрейне, в Катаре и в ОАЭ несколько батарей ЗРК «Пэтриот» якобы на случай «иранской агрессии». Хотя тогда именно США и Израиль при поддержке Эр-Рияда готовились к ракетно-бомбовому удару по объектам ядерной инфраструктуры ИРИ.
4. США всемерно приветствовали вовлечение таких арабских стран, как Саудовская Аравия и Катар, в конфликты в Ливии, Сирии, Ираке и Йемене, чтобы среди прочего они наращивали свою военную мощь за счет закупки американского оружия и избавили Вашингтон от необходимости участвовать в этих войнах собственными вооруженными силами. Однако уже тогда некоторые арабские страны Аравии дали понять США, что ввиду внутренней ситуации и настроений в вооруженных силах они не готовы занимать столь радикальную позицию по отношению к Ирану и увеличивать напряжение в отношениях с этой страной сначала в сфере политики и безопасности, а потом и в военном плане. Ведь в случае вооруженного конфликта с Ираном они станут «первыми жертвами» ответного удара «возмездия» Тегерана, прежде всего в плане уничтожения их нефтяной и газовой инфраструктуры на побережье Персидского залива.

А тут еще разведслужбы ряда арабских стран получили информацию о том, что американцы хотят переложить на них все военные операции в регионе и постепенно сократить свое непосредственное военное присутствие из-за переноса центра своего внимания и сферы основных интересов с Ближнего Вос-

тока в зону Азиатско-тихоокеанского региона. Такая перспектива пугает арабские страны, внутренняя ситуация которых достаточно нестабильна. Поэтому они стремятся не допустить того, чтобы США отказались от своих военных обязательств в регионе. Тем более когда президент Обама с осени 2013 года пошел на быстрое сближение с Тегераном в рамках своей новой ближневосточной стратегии. А затем появился еще один важный фактор — вовлечение США в украинский конфликт и начало острой конфронтации с Россией, что еще больше ослабило американскую вовлеченность в ближневосточные дела.

Внутренние трудности на пути к поставленной цели

Между членами ССАГПЗ существуют серьезные противоречия, и они не хотели бы безоговорочно принимать лидерство Саудовской Аравии. Среди всех членов ССАГПЗ самая мощная армия у Саудовской Аравии, однако из-за того, что большинство государств-членов Совета пессимистично смотрят на лидерство этой страны, им не хочется доверять свою безопасность Эр-Рияду, пусть даже под эгидой региональной военно-политической структуры. На Саудовскую Аравию приходится свыше 40% всех военных расходов стран Ближнего Востока и Северной Африки. В королевстве проживает две трети общего населения стран-членов ССАГПЗ. Примерно такую же часть в вооруженных силах Совета сотрудничества составляют саудовские военнослужащие. Половина военных самолетов ССАГПЗ тоже приходится на Саудовскую Аравию. Поэтому неудивительно, что некоторые другие страны Персидского залива (Оман, Катар, Кувейт) обеспокоены, что объединенная военная организация окажется под руководством КСА, и по этой причине они сопротивляются усилиям Эр-Рияда по укреплению Совета сотрудничества.

Арабская агрессия в Йемене возродила идею

Коалиция, начавшая войну в Йемене 26 марта с.г., провозгласила свое намерение создать «единую арабскую армию». Это произошло на арабском саммите в египетском Шарм аль-Шейхе 29 марта с.г. Костяк этих вооруженных сил должны сформировать войска Египта и Саудовской Аравии, а их главным врагом уже открыто назван Иран и его союзники. При этом образцом для «единой арабской армии» должен стать блок НАТО. Из заявлений, прозвучавших на саммите ЛАГ, следует, что будет единый штаб, который по схеме НАТО будет определять, куда и сколько войск отправлять в случае необходимости. Намечено также создать общие подразделения быстрого реагирования.

Главы внешнеполитических ведомств стран-членов ЛАГ 28 марта одобрили резолюцию о «единой арабской армии», которая на следующий день была вынесена на повестку дня встречи глав государств. Параллельно генсекретарю ЛАГ Набилю аль-Араби поручено провести в течение месяца консультации с начальниками штабов арабских армий для создания единых ВС. Выступая накануне на заседании Лиги, он не исключил, что опыт совместных боев в Йемене ляжет в основу формирования будущей коалиции. Кстати, генсекретарь ЛАГ еще в начале марта призывал создать объединенную военную структуру, но тогда речь шла о борьбе против группировки «Исламское государство». «Назрела срочная необходимость создания еди-

ных арабских многоцелевых вооруженных сил, которые будут в состоянии быстро вступить в борьбу с терроризмом», — говорил тогда аль-Араби.

Идея обречена на провал

Но в успех этой идеи верится с трудом, учитывая, что сегодня уже существует оборонительный союз государств Персидского залива в составе Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Кувейта, Бахрейна и Омана. У них имеются объединения военно-морских и военно-воздушных сил, а также спецподразделения «Щита Аравийского полуострова». Но сделать пушечным мясом свои армии малочисленные страны-члены ССАГПЗ не хотят. Эту роль они готовы отвести Египту. Египетская армия самая серьезная и по численности, и по вооружению, она почти каждый год получает от Вашингтона более миллиарда долларов на военные цели и закупку вооружения. Но Каир к этому не слишком готов, учитывая мощные исламистские настроения среди своих солдат и офицеров. Египту нужно думать о внутренней стабильности, где влияние «Братьев-мусульман» слишком сильно, а не о направлении войск за рубеж для участия в саудовских авантюрах. Кроме того, у Египта и Саудовской Аравии по многим вопросам интересы не то что не совпадают, а существенно расходятся. Хотя президенту Сиси нужны миллиарды нефтедолларов Саудовской Аравии для решения финансовых вопросов Египта.

Но уже сейчас многим арабам, да и США, не очень нравится, что саудовцы пытаются единолично доминировать в регионе. Да и после недели, прошедшей после арабской агрессии в Йемене уже понятно, что нынешняя коалиция во главе с КСА создана только для того, чтобы не допустить усиления влияния Тегерана в Йемене, Ираке и Сирии, и срыва переговоров по ИЯП. Одно из свидетельств этого — откровенное нежелание ее участников пойти на наземную операцию в ЙР. Слишком велик риск и большие потери в случае сухопутного вторжения. Тем более что хусисты успешно продвигаются на юге Йемена и захватывают новые территории. А после определенного успеха по ИЯП в Лозанне 2 апреля саудовцы и другие арабы Персидского залива окончательно убедились, что американцы слишком уж откровенно и сильно хотят сделать Тегеран своим региональным партнером. И тогда зачем арабская НАТО, если ее главный враг — Иран будет дружить с США?

* * *

Саудовская Аравия, начав бомбардировку Йемена, заигралась, вообразив себя единоличным лидером арабского мира, его жандармом. Провалы «цветных» революций ничему ее не научили. Слишком уж узки в своем восприятии современного мира престарелые правители королевства. Военные авантюры КСА обречены на провал. Без военного участия США в войне против Йемена саудовцы ничего не добьются. Но тогда им придется заплатить дорогую цену — смириться с тем, что Вашингтон продолжит сближение с Тегераном. Иначе поражение КСА от хусистов может запустить процесс развала саудовской монархии в ее нынешнем виде. В любом случае, Иран на этом фоне уверенно продвигается вперед на международном уровне и в региональном плане, увлекая за собой Ирак и Сирию, и спокойно укрепляя шиитскую дугу на Ближнем Востоке.

Эрдоган отправился в Иран за «отпущением грехов»

Президент Турции Реджеп Эрдоган побывал в Иране с однодневным официальным визитом. Он стал первым зарубежным лидером, посетившим персов после прорыва на переговорах по иранской ядерной программе, хотя по логике в Тегеране должен был вначале оказаться президент Азербайджана Ильхам Алиев, но он предпочел все же Саудовскую Аравию. Эрдоган провел переговоры с иранским президентом Хасаном Рухани, на которых обсуждались двусторонние отношения, а также региональные и международные проблемы. Помимо этого, турецкий лидер принял участие во втором заседании турецко-иранского Совета сотрудничества высшего уровня и отдельно встретился с верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи.

Этот визит для турецкого президента был непростым. Ранее он выступил с обвинениями в адрес Тегерана, заявив, что тот пытается доминировать на Ближнем Востоке, и потребовал вывести иранские войска из Сирии, Ирака и Йемена. К тому же Турция слишком быстро вошла в состав так называемой суннитской коалиции против шиитских повстанцев в Йемене, которых активно поддерживает Иран. Столь резкие заявления в адрес Тегерана в момент «раскручивания» йеменского кризиса выглядят загадочными и наводят на мысль о том, что в Анкаре не верили в успешный исход переговоров в Лозанне. Однако все пошло иначе. Потенциальный вывод Тегерана из международной изоляции и снятие с него санкций резко меняет геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке и в такой ситуации визит Эрдогана в некотором смысле напоминает паломничество за «отпущением грехов».

Официальная повестка переговоров была заявлена как экономическая. Объем взаимной торговли между двумя странами в 2014 году составил $14 млрд. И это в условиях режима санкций, а после их снятия «коридор возможностей» имеет все шансы заметно расшириться. Если не помешают старые обиды. В Тегеране помнят, что Анкара шла в общем строю лиги государств — участников санкций. Более того, Турция требовала от Ирана определенные преференции в энергетической сфере, в частности, предоставления скидки на закупаемый газ. Дело дошло даже до того, что Анкара обратилась с исками в международные судебные инстанции. Турция и Азербайджан по сути «в темную» разыгрывали иранскую карту, рассматривая Иран в качестве потенциального участника Трансанатолийского газопровода (TANAP). Да и сейчас азербайджанская государственная нефтяная компания SOCAR заявила, что не исключает возможности предложить Тегерану купить часть своей доли в TANAP. Однако, замечает турецкая газета Dunya, в то время как «Иран почувствовал политический вкус от общения с ведущими мировыми игроками (»шестеркой», с которой он вел переговоры по ядерному досье — ред.), когда перед ним замаячила перспектива превращения в нового «азиатского тигра», на данном этапе Турции вряд ли удастся воспользоваться этим огромным экономическим потенциалом, получить долю иранских инвестиций и экспортного рынка из-за ошибок в своей внешней политике».

Эрдоган, один из старожилов ближневосточной политики, конечно, это хорошо понимает, что делает его визит в Тегеран еще более загадочным. В этой связи правдоподобно выглядит версия, высказанная некоторыми арабскими СМИ, согласно которой турецкий президент привез иранским властям послание от саудовского короля Салмана, в котором предлагается, чтобы шиитская милиция «Ансар Аллах» в Йемене отошла от Адена в Сану, после чего Эр-Рияд «готов прекратить боевые действия и начать диалог со всеми йеменскими фракциями». Хотя глава МИД Турции Мевлют Чавушоглу говорит, что «Анкара может стать посредником в урегулировании кризиса в Йемене, но односторонняя поддержка Ираном шиитов в Ираке, Сирии и Йемене ведет весь регион к катастрофе, Тегеран должен пересмотреть свою политику». Нельзя исключать также того, что Эрдоган предложил Ирану и «план» по сирийскому и иракскому урегулированию, по которому «Тегеран и Анкара должны выступить посредниками между конфликтующими сторонами», о чем он заявил на совместной пресс-конференции с Рухани. Так что неслучайно турецкого президента в ходе визита сопровождал глава разведки Хакан Фидан.

Проект короля Салмана выглядит реальным и в озвученной части он может быть относительно быстро согласован. Но что касается Сирии, то здесь Иран и Турция занимают разные позиции. В то время как Тегеран поддерживает сирийского президента Башара Асада, Анкара выступает за его отстранение от власти. Другое дело, если Турция вслед за Вашингтоном стала нащупывать подходы к достижению соглашения с Дамаском. Но тут сразу проявляется уже фактор России, которая также поддерживает Дамаск, поскольку возникает вопрос о ее участии или неучастии в этом потенциальном «закулисном диалоге» по сирийскому и иракскому урегулированию. По мнению известного немецкого политика Йошки Фишера, многое в комбинации объясняется тем, что на «новом Ближнем Востоке прежняя роль Запада как внешнего гегемона утрачивает свою силу и там образовался опасный стратегический вакуум, который пытаются заполнить региональные державы, вступившие в прямую или косвенные (прокси-войны) сражения на территории Ливана, Ирака, Сирии, а теперь и Йемена, где прямое военное вмешательство Саудовской Аравии перевело ее стратегическое соперничество с Ираном в открытую фазу». По его же словам, США на Ближнем Востоке стали «де -факто менять своих региональных стратегических партнеров в ситуации, когда Ирану противопоставляются уже панарабские вооруженные силы», а к коалиции примкнула Турция.

Как говорит один из грамотных азербайджанских специалистов по Ближнему Востоку руководитель Арабской службы новостей Trend Руфиз Хафизоглу, «как бы Турция ни старалась быть посредником между враждующими силами в Йемене, особенно между Ираном и Саудовской Аравией, все попытки Анкары останутся безрезультатными», потому что «Турция оценивает растущие интересы Ирана с политической (добавим, и с геополитической — ред.) точки зрения, а для Тегерана это вопрос идеологии». Это первое. Второе. Как отмечает бакинский портал Haqqin.az, «аналитики также считают, что соглашение между Западом и Ираном снизит геополитическую значимость Азербайджана». Не окажется ли снижение «геополитической значимости» настолько заразным, что перекинется и на другие страны? Анкаре есть над чем задуматься.

Ирина Джорбенадзе

Ядерная «кухня» Ближнего Востока

Свершилось. Напряженные переговоры по иранскому атому завершились согласованием ключевых моментов всеобъемлющего соглашения, которое должно быть утверждено в конце июня. Речь, в частности, идет о договоренности Ирана и «шестерки» о сокращении на две трети иранских мощностей по обогащению урана сроком на десять лет. Также Иран обязуется открыть все свои программы по обогащению урана для 25-летнего международного контроля. Если договоренности будут выполнены, Иран наградят снятием санкций.

Не слишком консервативная часть иранцев торжествует. Израильтяне, и не они одни, печалятся. Россия вроде довольна. Эксперты же гадают, что стоит за договоренностью Ирана и «шестерки» — уж не резкая ли смена внешнеполитического курса Тегерана? А также — как отразится договоренность по ядерной программе на расстановке сил в регионе, ирано-российских отношениях, ценах на нефть и многом другом, о чем речь пойдет ниже.

Рассматривая версию смены внешнеполитического курса в сторону США, уместно вспомнить недавнее выступление лидера Ирана, главы государства Али Хаменеи, в соответствии с которым переговоры, которые Тегеран ведет с Вашингтоном, «касаются только ядерной программы, и не более того». В остальном, сказал он, включая решение острых проблем Ближнего Востока и борьбу с «Исламским государством», «Цели и задачи США в регионе прямо противоположны целям Ирана и глубоко враждебны ему».

Таким образом, радикальная смена внешней политики Ирана и его приседание в глубоком реверансе перед США вряд ли ожидаемо. Тем более, что едва ли не в самый разгар переговоров и после них США, на уровне высокого руководства, высказывались об Иране едва ли не в оскорбительном тоне. В частности, директор ЦРУ Джон Бреннан заявил, что на Иран «надо давить» вне зависимости от результатов переговоров, и что Тегеран «по-прежнему спонсирует терроризм».

А президент США Барак Обама сообщил, что в результате заключения соглашения по ядерной программе «Иран станет самой инспектируемой страной в мире». Он дал понять, что Ирану не удастся «обмануть мир». В свою очередь, администрация США распространила заявление, в соответствии с которым санкции в отношении Ирана будут ослаблены только после того, как МАГАТЭ подтвердит выполнение Тегераном взятых на себя обязательств.

А что же Израиль, выступающий категорически против договоренностей по иранской ядерной программе? По сообщению Ассошиэйтед Пресс, израильский премьер в телефонной беседе с Обамой заявил, что окончательное соглашение, основанное на уже имеющихся договоренностях с Ираном, «будет угрожать существованию Израиля». И заверения Обамы, что «соглашение с Ираном отрежет ему путь к ядерной бомбе, видимо, Нетаньяху не убедили».

Не убеждают они и многих израильских экспертов, считающих, что Иран откровенно блефует. Они также не понимают, почему США принимают «уступки» Тегерана за чистую монету. По их мнению, весьма скоро Иран, под шумок, станет ядерной державой, что обернется катастрофой не только для Израиля, но и для всех государств Ближнего Востока. И в таком случае Иран окончательно «обрастет» союзниками в лице Ирака и Йемена. Недоверие к Ирану подогревает также и тот факт, что он передумал отправлять в Россию избытки урана. То есть, если они останутся на иранской территории, вопрос создания Тегераном ядерного оружия уже не будет вызывать никаких сомнений.

Ввиду «неблагонадежности» Ирана глава МИД Израиля Авигдор Либерман призвал соотечественников к готовности действовать против иранской атомной угрозы в одиночку, без поддержки США и других мировых держав.

А израильское NRG (его цитирует ИноСМИ) без всяких прикрас заявило, что «Обама предал Израиль в угоду Ирану». По данным издания, «Премьер-министр Нетаньяху подозревал Обаму с первых дней его пребывания в Белом доме. Однако многие в Израиле ... не догадывались, насколько опасен этот человек. Почти вся израильская верхушка выступила против намерений Нетаньяху атаковать иранские объекты. Теперь, когда уже ясно, что Обама бросает Израиль под колеса ближневосточного автобуса, всем нам пора прозреть. Нас предали. Не только нас. Некоторые сравнивают договор с Ираном с позорной капитуляцией Чемберлена перед Гитлером. Однако договор с Тегераном намного опаснее. Иран, в отличие от нацистов, уже близок к созданию атомной бомбы. Так что Обама ведет мир не только к Третьей мировой, но и к Первой ядерной войне».

Волнуется и Саудовская Аравия — в большей степени из-за возможного верховенства в регионе экономически неслабого шиитского Ирана. Сложно сказать, как теперь будет действовать Эр-Рияд, пригрозивший, что если соглашение с Ираном все же состоится, он сам будет стремиться к созданию ядерного оружия. Впрочем, Саудовской Аравии вряд ли удастся добиться статуса ядерной державы.

Сложно сказать, как теперь будет действовать Эр-Рияд, пригрозивший, что если соглашение с Ираном все же состоится, он сам будет стремиться к созданию ядерного оружия

Интересно также, как поведет себя Турция, имеющая большие амбиции лидерства на Ближнем Востоке, и по-иному, чем Иран, подходящая к решению проблем региона. Собственно, недавно президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал неприемлемым стремление Ирана доминировать и «господствовать» в регионе, в том числе в Йемене. Разумеется, на Ближнем Востоке и за его пределами

найдутся силы, которые постараются углубить конфронтацию между Ираном и Турцией. В апреле Эрдоган едет в Иран на встречу с политическим руководством этой страны, и в экспертных кругах есть некоторая надежда на то, что политический и экономический прагматизм Анкары и Тегерана все же победит, и стороны, так или иначе, сумеют избежать большой ссоры.

Говоря о взаимоотношениях Ирана и Турции, нельзя обойти стороной и других региональных соседей этих двух стран, находящихся в конфликте друг с другом — речь идет об Армении и Азербайджане. Как сообщил агентству «Новости — Азербайджан» депутат азербайджанского парламента Захир Орудж, подписание соглашения Ирана с «шестеркой» откроет для Баку новые возможности в реализации крупных проектов. По его словам, официальный Баку всегда выступал против открытия в Азербайджане антииранского фронта.

«Естественно, — сказал он, — Азербайджан не против достижения соглашений по иранской ядерной программе, хотя и звучат некоторые мнения, что это приведет к уменьшению роли Азербайджана и усилению иранского режима, который давит на права этнических азербайджанцев. Я так не считаю, потому что Азербайджан находится в таком регионе, где с нами граничат две крупные страны, которые противостояли Западу — Россия и Иран».

Периодически, продолжил Орудж, когда Азербайджан пытался улучшить отношения с Ираном, Запад относился к этому процессу ревностно, и не раз пытался сорвать сближение Баку и Тегерана: «Сейчас же ситуация изменилась, и эти отношения могут развиться в другом формате».

Политик также подчеркнул, что соглашения с Ираном продемонстрировали лицемерие Запада: «Запад давил на Иран, акцентируя претензии на внутриполитической форме правления, на таких вопросах, как свобода слова и так далее. Где теперь эти тезисы? Почему Запад так быстро забыл о своих претензиях в адрес Ирана? Я категорически не говорю, что мы не приветствуем эти соглашения... Но хочу отметить, что снятием санкций с Ирана Запад продемонстрировал свою беспринципность».

Армения же однозначно выступила «за» снятие санкций с Ирана, являющегося для нее дружественной страной, сулящей в нормальных условиях функционирования крупные дивиденды для армянской экономики. «Армения приветствует рамочную договоренность по иранской ядерной программе... Это будет способствовать укреплению стабильности и сотрудничества в регионе», — заявил глава МИД Армении Эдвард Налбандян.

Он не озвучил расхожее в Армении мнение, что теперь Турции придется провести ревизию своих амбиций в регионе, и что усиление Ирана в некотором роде подтянет и роль Армении как страны, по которой может быть осуществлен экспорт иранских энергоресурсов.

Если Иран «откроют», обвал цен на нефть грозит не только России, но и другим добывающим странам

И, наконец, Россия, последовательно лоббировавшая снятие санкций с Ирана. Принято считать, что свободный от санкций Иран окажет негативное влияние на нефтяные котировки и на экспорт российского природного газа. Собственно, если Иран «откроют», обвал цен на нефть грозит не только России, но и другим добывающим

странам. Не исключено, однако, что негативные последствия будут носить кратковременный характер — в большей степени психологический, нежели экономический. И на цену на нефть большее влияние окажет не собственно фактор Ирана, а положение дел на Ближнем Востоке. В частности, ситуация в Йемене.

Что же до России лично, она экспортирует гораздо больше нефти и нефтепродуктов, чем Иран, и опасаться иранской конкуренции ей вряд ли стоит. Тем более, что, несмотря на санкции против Ирана, Россия, и это было выгодно Тегерану, и так покупала у него нефть. Отметим, что это неофициальная информация. А после снятия санкций, которое, напомним, в лучшем случае произойдет через три месяца, Россия сможет совершенно легально реализовывать с Ираном самые разные экономические проекты, а также в разы увеличить товарооборот между двумя странами. Словом, Россия может обеспечить Иран буквально всеми дефицитными для него товарами — от зерна до металлургической продукции. Не будем также забывать о строительстве Россией в Иране атомных электростанций и о желательных для Тегерана поставках российских зенитных комплексов.

Но вот на газовом рынке Иран вполне может потеснить Россию. И тут многое будет зависеть от расторопности и щедрости Москвы. То есть, кто раньше и больше вложит инвестиций в иранский нефтегазовый сектор, тот и выиграет. И тут основными конкурентами России выступят, скорее всего, Евросоюз и государства Юго-Восточной Азии. Собственно американские компании вряд ли будут проявлять усиленную активность — пока, во всяком случае, поскольку ирано-американские политические отношения оставляют желать лучшего.

Но, вероятно, России на данном этапе гораздо выгоднее торговать с Ираном вооружением. Неслучайно заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Рябков призвал поскорее снять оружейное эмбарго против Ирана. По данным независимых экспертов, в настоящее время потребность Ирана в российском вооружении оценивается суммой от 10 до 15 миллиардов долларов. И если Россия не будет зевать, именно она может стать основным поставщиком вооружения в Иран. В том, что борьба за соответствующий рынок между ЕС и Китаем уже началась, можно не сомневаться.

На всем этом фоне интригующим остается вопрос, почему США дали добро на соглашение с Ираном. В числе различных версий, озвученных The American Interest (перевод ИноСМИ) находим и весьма любопытную. С ее достоверностью, конечно, можно поспорить. Но, как пишет американское издание, «Оказывается, очень многие люди считают, что президенту на самом деле безразлично, будет или нет у Ирана атомная бомба; а некоторые даже верят в то, что переговоры являются прикрытием для создания бомбы, и что такой ценой Вашингтон добьется учреждения американо-иранского партнерства в целях «стабилизации» Ближнего Востока. Так считают многие саудовцы, а теперь и многие сторонники американо-израильского альянса».

И далее: «На самом деле, кое-кто... полагает, что это плата за президентское заявление от 2009 года о его желании создать определенную дистанцию между США и Израилем. Тот факт, что в середине февраля министерство обороны выборочно рассекретило документ от 1987 года, в котором сообщаются данные о ядерном арсенале Израиля, многие расценили как свиде-

тельство поддержки такой точки зрения... Если мы почувствуем дурной запах от предложений о безъядерной зоне на Ближнем Востоке, то мы будем знать, что идея президента о «дистанцировании» сводится к ослаблению израильского компонента устрашения и обеспечения безопасности».

Есть еще одна версия, «...своего рода промежуточная оценка, в которой подтверждается предполагаемая готовность администрации если не способствовать, то позволить Ирану стать обладателем ядерного оружия, так как у нее нет сколько-либо привлекательного способа предотвратить это... Администрация уже много лет утверждает, что сдерживание неприменимо в такой многовалентной стратегической обстановке, которая существует на Ближнем Востоке, и что к нему в таких условиях не может быть доверия. Однако можно себе представить некий сдвиг, который де-факто приведет к созданию сдерживания (причем сдерживания расширенного) как связки между иранским ядерным прорывом и новыми американскими усилиями по свертыванию программы Ирана. Поскольку такой ядерный прорыв будет неоднозначным — а его можно сделать таким, если США по определенным причинам будут медлить с выявлением и признанием проблемы — он создаст возможность для начала разговора в таком духе: Иран может иметь один или два ядерных заряда со средствами доставки, но если он не будет угрожать его применением, Соединенные Штаты займутся переговорами об отказе Тегерана от такого оружия, не прибегая к мерам упреждения. Даже если здесь не использовать слово «сдерживание», такая позиция сводится именно к этому».

Дмитрий Минин

Иран разрывает стратегические клещи

Лозаннские договоренности по иранской ядерной программе, безусловно, серьезно повлияют на геополитику Ближнего Востока, но не обязательно в том направлении, на которое рассчитывали некоторые инициаторы этого процесса в США. Однозначным выгодополучателем здесь пока видится только Тегеран, который, пользуясь тщеславием президента Б. Обамы, пытающегося под занавес карьеры добиться хоть какого-то громкого внешнеполитического успеха, сумел вырваться из стратегических клещей.

С одной стороны, экономика Ирана истощена навязанными Вашингтоном многолетними санкциями, что стало еще заметнее в условиях падения цен на нефть. С другой стороны, положению Ирана в регионе брошен серьезный вызов Саудовской Аравией и ее союзниками, пытающимися подавить выступления шиитов в Йемене и других ближневосточных странах. Тегеран в этих условиях сделал правильный выбор. Уже сейчас видно, что, хотя реализация лозаннских договоренностей будет сложным делом, Иран готов сейчас противостоять своим региональным противникам значительно тверже, чем они, возможно, рассчитывали, развязывая свою военную кампанию в Йемене.

При этом иранские руководители отнюдь не выглядят людьми, поступающимися национальными интересами ради каких-то призрачных выгод. 9 апреля с. г. Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи заявил, что «достижение предварительной договоренности сторонами не гарантирует ни итогового соглашения, ни его содержимого, ни того, что переговоры будут продолжаться». Он категорически отверг поэтапную отмену санкций, на которой настаивают западные переговорщики. По его мнению, антииранский санкционный режим должен быть отменен в один день с подписанием юридического соглашения по ядерной программе Ирана. Али Хаменеи добавил, что, исходя из предыдущего опыта, он «никогда не испытывал оптимизма в отношении переговоров с США».

Теперь уже Белый дом оказался в сложном положении. Ведь Тегеран не отказывается от содержательной стороны достигнутых договоренностей по ограничению его ядерной программы. Все упирается вроде бы в формальности, но такие, которые Бараку Обаме преодолеть будет нелегко. В Израиле и в рядах влиятельного еврейского лобби США Обаму и так, не стесняясь в выражениях, обвиняют в предательстве стратегического союз-

ника. В конгрессе же, где господствуют республиканцы, вовсе не намерены облегчать жизнь президенту-демократу в канун приближающихся выборов. Обама еще мог бы надеяться на одобрение будущего соглашения законодателями при условии поэтапного снятия санкций с Ирана, но побудить их согласиться с их разовой и полной отменой, а на меньшее иранцы не пойдут, ему вряд ли по силам. А тогда вся вина за срыв уже вроде бы достигнутого соглашения ляжет на Америку. И это станет грандиозным провалом американской дипломатии, чреватым для нее серьезными престижными потерями не только на Ближнем Востоке. Более того, будет затруднительно удерживать в экономической блокаде Иран в условиях, когда он согласился выполнить все требования международного сообщества.

Не оправдались расчеты тех, кто надеялись, что перспектива снятия санкций с Ирана приведет к дальнейшему падению нефтяных котировок и больно ударит по России. Многие эксперты полагают, что этот мотив вообще был одним из главных в стремлении Вашингтона ускорить достижение соглашения по ядерной программе Ирана. Однако иранские лидеры не из числа тех, кто бесконтрольным вбросом своей нефти на мировые рынки станет еще больше сбивать на нее цену. Себестоимость добычи углеводородного сырья в Иране в целом существенно выше, чем в арабских странах Персидского залива и состязаться с ними в игре на снижение котировок иранцам ни к чему. Foreign Policy считает, что даже при благоприятном сценарии дополнительные поставки иранской нефти после отмены санкций возможны не ранее 2016 года. Между Москвой и Тегераном существует устойчивое взаимопонимание в отношении необходимости совместными усилиями добиваться «справедливого ценообразования» на нефть, в том числе по схеме покрытия ее дополнительных поставок из Ирана встречными товарными потоками из России. Первоочередной задачей для себя мудрые персы видят не заправку западных автомобилей дешевым бензином, а размораживание иранских активов на сумму около 100 миллиардов долларов в западных банках. Иран рассчитывает, что эти средства могут быть разблокированы во второй половине текущего года. Их появление на мировых рынках понизит не сырьевые, а валютные котировки. Этих денег ждут многие производители, в том числе и российские.

Иранские лидеры не из числа тех, кто бесконтрольным вбросом своей нефти на мировые рынки станет еще больше сбивать на нее цену

Вот почему после Лозанны цена на нефть не только не падает, но и демонстрирует тенденцию к росту, а курс рубля укрепляется. С. В. Лавров нисколько не лукавил, когда приветствовал предстоящую отмену антииранских санкций и заявлял, что России это выгодно. Представления о том, что закрытие иранского ядерного досье в корне изменит расстановку сил на Ближнем Востоке и сделает Иран едва ли не главным союзником США в регионе, широко распространенные, например, в Израиле, достаточно наивны. Не для того Тегеран вырывался из стратегических клещей, чтобы добровольно накинуть на себя новую узду. Основные региональные противоречия останутся. Вашингтон утратит часть доверия к себе в ближневосточных монархиях и Израиле, но по-прежнему будет вынужден строить

свою региональную политику, опираясь, главным образом, на них. А Иран в силу своего геополитического положения, экономических интересов и официальной идеологии и дальше будет видеть в Америке постоянную угрозу своей национальной безопасности.

Самым удобным партнером для Ирана в решении стоящих перед ним неотложных задач является Россия. В частности, в условиях нарастающей напряженности у границ ИРИ она нуждается в срочном дооснащении конвенциональным оружием, особенно системами ПВО/ПРО. Западные аналоги этих систем неконкурентоспособны по сравнению с российскими и еще долго будут для Тегерана недоступны. Второй важной проблемой, стоящей перед Ираном, является развитие ее энергетической и транспортной инфраструктуры, включая железнодорожную экспансию. Это как раз те сферы, в которых российские компании также вполне конкурентоспособны. В России же расширение связей с Ираном позволило бы стимулировать обрабатывающую промышленность. По многим позициям, в том числе связанным с производством готовой продукции, иранские производители могут быть включены в программы импортозамещения в России. Российские компании заинтересованы не только в продаже своих высоких технологий Ирану, но и в их совместном производстве. Пока объем двусторонней российско-иранской торговли составляет всего около 1 млрд долл. в год. После отмены санкций он достаточно быстро может достичь 10 млрд долл. Потенциал же российско-иранского экономического сотрудничества не уступает тому, который имеется у России с Турцией (около 40 млрд долларов, планируется довести до 100 млрд долл.).

Залогом сохранения близких отношений двух стран и даже превращения их в долговременный союз является то, что по ключевым для Тегерана региональным проблемам, таким как положение в Сирии, Ираке, Йемене, Афганистане, противостояние «Исламскому государству», позиции России и Ирана либо близки, либо полностью совпадают. Такого совпадения с западными странами у Тегерана нет и не предвидится. Кроме того, за годы санкций Иран уже развернул вектор своей внешнеэкономической деятельности с Запада на Восток в направлении Индии, Китая, стран ЮВА, где спрос и цены на товары традиционного иранского экспорта выше. Резонно предположить, что после отмены санкций Иран не уйдет с этих рынков, а еще больше закрепится на них. Горький опыт западного эмбарго сделал иранцев более осмотрительными. Не секрет, что многие крупные проекты Ирана с Индией и Китаем до сих пор тормозились наличием именно санкций. Открывают эти проекты и дополнительные возможности участия в них России.

Выход из-под эмбарго, по-видимому, облегчит Ирану полноправную интеграцию в ШОС, членство в которой является для Тегерана стратегической целью

Выход из-под эмбарго, по-видимому, облегчит Ирану полноправную интеграцию в ШОС, членство в которой является для Тегерана стратегической целью, так как именно в зоне деятельности этой организации сосредоточены основные иранские интересы. Едва ли содействие расширению ШОС входило в планы Барака Обамы. Однако логика событий ведет именно к этому.

Олег Владыкин

Владимир Путин отправил С-300 в Тегеран

Вчера пресс-служба Кремля сообщила, что президент РФ Владимир Путин подписал указ, который позволит передать Ирану российские зенитные ракетные системы С-300ПМУ1. Тем самым устранена преграда для выполнения контракта восьмилетней давности, который был приостановлен под жестким давлением США и Израиля.

Подписанный президентом указ снимает запрет на транзитное перемещение через территорию Российской Федерации (в том числе воздушным транспортом), вывоз с территории РФ в Иран, а также передачу Ирану вне пределов России с использованием морских и воздушных судов под государственным флагом РФ зенитных ракетных систем С-300 и связанных с ними материальных средств, включая запчасти. Сам контракт на поставку Тегерану пяти дивизионов С-300 стоимостью около 800 млн долл. стороны подписали еще в 2007 году.

Но летом 2010-го Совбез ООН принял резолюцию по Ирану, которая вводила против него санкции, в том числе запрет на передачу ему современных вооружений. Россия проголосовала за ее принятие.

Тогдашний президент РФ Дмитрий Медведев в сентябре 2010 года подписал указ о мерах по выполнению этой резолюции. В результате фактически готовый к исполнению контракт оказался замороженным. Источники в российской оборонке сообщали, что были уже изготовлены как минимум три дивизионных комплекта зенитной ракетной системы. И компания-изготовитель начала лихорадочно искать, куда бы их пристроить. Ходили слухи, что в конце концов их поставили в Азербайджан. Но официальных подтверждений этому не поступало. Появились же сообщения из различных анонимных источников о том, что предназначавшиеся Ирану системы С-300 были якобы разукомплектованы и в значительной степени утилизированы.

Тегеран прореагировал на ситуацию выдвижением иска к «Рособоронэкспорту» в третейский суд Женевы. Почти на 4 млрд долл. Но Россия предприняла попытки решить возникшую проблему без судебного решения, поиском какого-либо компромиссного решения. Предлагались, например, на замену С-300ПМУ1 поставить зенитные ракетные комплексы «Тор». Однако к согласию на такую замену стороны все-таки не пришли. Поэтому Россия намеревалась убедить Иран просто отозвать иск, поскольку, как утверждали наши дипломаты, невыполнение контракта было обусловлено решениями Совбеза ООН, ограничивающими поставку Тегерану ряда вооружений.

Теперь та позиция выглядит несколько странной. Вчера глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что былое решение Москвы отказаться от поставок С-300 Тегерану принималось «в духе доброй воли для стимулирования прогресса на переговорах» по иранской ядерной проблеме. А исчезла не-

обходимость в эмбарго на поставки системы ПВО С-300 в свете прогресса, достигнутого на переговорах Тегерана и «шестерки» в Лозанне в апреле 2015 года. «Мы убеждены, что на данном этапе необходимость в эмбарго такого рода, причем в отдельном, добровольном российском эмбарго, полностью отпала, — сказал Лавров. — Время прошло, прошло уже почти пять лет, и 2 апреля этого года в Лозанне «шестерка» по итогам очередного раунда переговоров с Ираном констатировала существенный прогресс в урегулировании иранской ядерной программы. Были согласованы окончательные политические рамки окончательной договоренности, которые получили высокую оценку повсеместно на международной арене».

Несколько иначе смотрят на развитие событий в экспертном сообществе. Вот как прокомментировал отмененный запрет генеральный директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров: «Подписание президентом Путиным этого указа — весьма своевременный шаг. Российский президент действует на опережение, поскольку все идет к тому, что санкции с Ирана будут сняты. На иранском рынке вооружений, куда устремятся и западные компании, готовые поставлять все, что нужно, огромные возможности заработать десятки миллиардов долларов». По его мнению, на Западе действиям Москвы «не рады, воспринимают как шаг более оперативного конкурента и соответственно отреагируют крайне негативно». Но решение Путина по С-300 позволяет поднять отношения между Москвой и Тегераном на новый уровень, считает эксперт: «Безусловно, это решение откроет огромные возможности для российского военно-промышленного сектора. Это сигнал Кремля, что в направлении Ирана дан зеленый свет».

И полным ходом уже пошло прогнозирование выгод, которые сулят Москве и Тегерану случившиеся перемены. Возобновленный контракт с Ираном на поставку зенитных ракетных систем может предусматривать поставку на первом этапе до пяти дивизионов, сумма сделки скорее всего превысит 800 млн долл., утверждает старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий Василий Кашин. Ведь начальный контракт был заключен давно и предусматривал поставку зенитных ракетных систем С-300ПМУ1. Учитывая, что они уже сняты с производства, речь в новом контракте, вероятно, пойдет о поставке модернизированных зенитных ракетных систем С-300ВМ. «Это более совершенные и более сложные системы, а значит, и более дорогие. Так что сумма сделки может превысить 1 млрд долл., — сказал Кашин. — По оценкам иранских экспертов, потребности Ирана в зенитных ракетных системах большой дальности значительные, на первом этапе — от четырех до восьми дивизионов. Если будет принято решение о создании собственной системы ПВО на базе С-300, то, как писали иранские СМИ, таких дивизионов потребуется гораздо больше. На выполнение нового контракта понадобится около полутора-двух лет».

Между тем Министерство обороны России обозначило свою готовность оперативно поставить Ирану все же зенитные ракетные системы С-300ПМУ1. Об этом заявил в понедельник координатор управления генеральных инспекторов военного ведомства генерал армии Юрий Якубов: «Если будет принято политическое решение поставить Ирану из наличия российских Вооруженных сил ЗРС С-300, считаю, что Министерство обороны оперативно выполнит указание президента страны». По оценкам специалистов военного ведомства, на такие поставки уйдет три-четыре месяца.

Али Хаменеи о Йемене: То, что совершают саудиты, — преступление

Йемен давно и с полным на то основанием называют «вторым Афганистаном». Одна из беднейших стран региона, пропитанная экстремистскими идеями, оружием и критической массой людей с военным опытом, уже несколько десятилетий находится в состоянии перманентной гражданской войны. Ко всем бедам Йемена сегодня добавилась еще одна — вмешательство извне «коалиции решительных» делает страну «международным проектом», землей военных преступлений и геополитических интриг, в которых мирное население — лишь разменные пешки.

Верховному лидеру Ирана Али Хаменеи чужды лукавство политкорректности и самообман. Те страны, которые имели несчастье получить за последние 20 с лишним лет статус «международного проекта» — Югославия, Сомали, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и далее по списку — в большинстве своем так и остались открытыми ранами на теле международного сообщества. Грубое и необдуманное вмешательство извне сделало их территориями гуманитарных катастроф, источником угроз для соседей по региону. И это та реальность, о которой Рахбар не забывает повторять политикам и общественности.

Подобная перспектива — превратиться в землю бесконечной войны, которая обязательно придет «домой» к тем, кто ее разжигал, к тем, кто оказывался причастен к конфликту с любой стороны — грозит теперь и Йемену. Поэтому слова, которые использовал Верховный лидер в описании ситуации и в характеристике главного организатора внешнего вмешательства в этой стране, были предельно жесткими.

«Убивать детей, разрушать жилые дома и уничтожать инфраструктуру страны — это преступление и геноцид, виновные в котором должны быть привлечены к ответственности на международном уровне», — заявил Али Хаменеи в своем обращении. — «Их (саудитов — Iran.ru) агрессия в Йемене неприемлема, и я предупреждаю, что они должны прекратить свои преступления». Действия Эр-Рияда Верховный лидер сравнил с карательными операциями Израиля в секторе Газа, и в традициях иранской дипломатии это, пожалуй, пик негативных оценок.

Разумеется, резкость оценок Рахбара имела и другой источник — торжество двойных стандартов, которые продемонстрировали США, Франция и Великобритания в отношении «Решительного шторма», их безоговорочная поддержка «освободительного похода» армии Саудовской Аравии и гуманитарных бомбардировок, которые авиация «Священного союза арабских монархий» обрушила на йеменцев, которые, как нам пытаются внушить, оккупировали сами себя и, вдобавок, совершенно не оценили навязанного им теми же саудитами в 2012 году счастья в виде сбежавшего из страны президента Хади.

Что происходит в Йемене — прокси-война или суннито-шиитский конфликт?

Чтобы лучше понять жесткие заявления Верховного лидера, приведем несколько цитат из, скажем так, противоположного лагеря.

«США окажут поддержку тем странам Ближнего Востока, которым Иран будет угрожать, и не будут безучастно наблюдать за дестабилизацией ситуации в регионе», — заявил Джон Керри в интервью телекомпании PBS Newshour. Но столь любимый нами персонаж не был бы самим собой, если бы и здесь не пустился во все тяжкие и не оправдал бы в очередной раз своего прозвища «лгунишка». «Есть рейсы, которые каждую неделю летают из Ирана в Йемен. Мы их отслеживаем и хорошо осведомлены об иранской поддержке мятежникам». «Мы обеспокоены ситуацией в Йемене, мы прибыли сюда, чтобы продемонстрировать нашу поддержку, особенно политическую, властям Саудовской Аравии», — вторил ему министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус на пресс-конференции в Эр-Рияде, где он побывал в воскресенье, 12 апреля. Париж, «естественно, на стороне своих региональных партнеров в вопросе восстановления стабильности в Йемене», — заявил он.

Имея за спиной таких тяжеловесов, саудиты, вполне ожидаемо, тоже не сдерживали себя в выборе выражений. «Как Иран может призывать нас прекратить борьбу в Йемене? Мы пришли в Йемен, чтобы оказать помощь законным властям, Ирана Йемен не касается», — сказал высокопоставленный саудовский дипломат, комментируя заявления своего министра, Сауда аль-Фейсала, ответившего отказом на предложение Тегерана прекратить бомбардировки.

Собственно, с самого начала подготовки «Решительного шторма» и «священный союз арабских монархий», и его западные партнеры предлагали нам три версии событий в Йемене: во-первых, восстановление власти демократически избранного президента, во-вторых, «противостояние иранской экспансии» и, в-третьих, очередное проявление суннито-шиитского конфликта. При внимательном рассмотрении, все это не выдерживает критики и проверки фактами. Истинная суть происходящей на наших глазах «мягкой интервенции» — вмешательства без наземной операции — заключается в другом.

О «восстановлении законности» говорить не будем. Серьезно это никто не воспринимает, поскольку монархии, восстанавливающие авиаударами демократические институты — это даже не смешно. А кроме того, следо-

Против бывшего президента, как и против внешней агрессии, сегодня и сунниты, и шииты, и светские элементы в Йемене выступают пусть и не идеально прочным, но все же единым фронтом

вать подобной логике для Запада и его союзников крайне опасно: ведь тогда Россия за-ради Януковича могла бы с полным основанием бомбить Киев, Тегеран — позиции мятежников в Сирии, ну и так далее.

Версия «иранской экспансии» и спровоцированной ею «прокси-войны» между Ираном и Саудовской Аравией также откровенно «притянута за уши». И не потому, что Тегеран не собирался размещать там свои ракеты, нацеленные на Эр-Рияд, как нам пытались «вбросить» в первые дни «Решительного шторма». Не потому, что заявления отдельных иранских политиках о «контроле над четырьмя ближневосточными столицами» — откровенная пропаганда, не имеющая ничего общего с реальностью. А из-за того, что все мифы об «экспорте революции» и «поддержке шиитской оппозиции» так и остались недоказанными мифами — будь то в Бахрейне, Йемене или где-то еще. И в немалой степени потому, что шииты в других странах, продолжая считать Иран духовным центром, отнюдь не спешат принимать его в качестве центра политического.

И, наконец, столь любимая рядом политологов версия «суннито-шиитского противостояния» также имеет мало общего с происходящим в стране. Хотя бы потому, что против бывшего президента, как и против внешней агрессии, сегодня и сунниты, и шииты, и светские элементы в Йемене выступают пусть и не идеально прочным, но все же единым фронтом.

Наступление реакции или две бомбы для Ирана

Так что же происходит? Почему Верховный лидер Али Хаменеи, который, безусловно, с реальной ситуацией знаком и понимает, что ни о какой экспансии Тегерана не может быть и речи и что хуситы и созданная с их участием коалиция не станут «шиитским протекторатом», был столь резок в оценках происходящего в Йемене?

Рахбар, без всякого преувеличения, один из величайших политических стратегов нашего времени, видящий ситуацию намного глубже, чем другие. Его обеспокоенность происходящим обусловлена тем, что он раньше остальных почувствовал две стремительно идущие навстречу друг другу тенденции, ставшие очевидными в процессе «Решительного шторма» и всего, с ним связанного.

После нескольких лет стратегического отступления — «арабская весна», сломавшая систему сдержек и противовесов на Ближнем Востоке, превращение главного оружия Эр-Рияда, панисламизма, в неконтролируемый им интернациональный джихад, демократы у власти в Вашингтоне — Саудовская Аравия переходит в контратаку. У династии нет другого выбора: здесь либо победа, то есть возвращение «золотого времени», когда «Священный союз» во главе с «хранителем Двух святынь» обладал всей полнотой власти в Аравии и огромным влиянием на остальной исламский мир, либо поражение — падение престолов и смена монархий республиками.

Главным оружием Эр-Рияда на этом этапе станет «бомба» суннито-шиитского противостояния, под которое будет «подверстываться» все: и борьба меньшинств в государствах Персидского залива за свои права, и выступления других государств против саудовской гегемонии. И даже война с теми же «братьями-мусульманами», поскольку оборотной стороной лидерства саудитов в противостоянии «шиитской экспансии» является их стремление к монополии на единственно верное толкование ислама.

Это — первая опасность для Тегерана. Вторая же, не менее серьезная, заключается в том, что как показывают последние события, Запад окажет этой контратаке Эр-Рияда всевозможное содействие.

Администрация Белого дома поставила на кон все, но джек-пота не случилось

Оставим столь модные сегодня и резко обострившиеся с приходом весны разговоры о «секретной сделке между Тегераном и Вашингтоном» на совести конспирологов и прочих, близких им по разуму, «экспертов». Как бы ни старались Обама и Керри повыгоднее продать «итоги Лозанны», сейчас, спустя некоторое время, любому объективному наблюдателю становится ясно, что если и был там какой-то прорыв, то исключительно в пользу Тегерана, добившегося признания своего права на ядерные исследования. Администрация Белого дома поставила на кон все, но джек-пота не случилось. Теперь нужно ублажать разгневанных союзников на Ближнем Востоке и взять реванш.

Отсюда и новые поставки оружия саудитам, и поддержка Вашингтоном всех их действий в Йемене, и создание совместного с ними «координационного центра по Аравии», о чем намекнул в Эр-Рияде заместитель госсекретаря Энтони Блинкен. Отсюда же и трогательное единство США, Франции и Великобритании в отношении «Решительного шторма». Нет сомнений, что скоро последуют и новые «инициативы» по Сирии, Ираку и другим точкам, где Западу можно будет добиться реванша — по сути, взорвать против Тегерана еще одну бомбу.

* * *

«Они будут вредить сами себе и ни при каких обстоятельствах не добьются триумфа. Лицо их будет измазано грязью йеменской земли», — заявил Али Хаменеи о перспективах авантюры саудитов. Прогноз Рахбара уже начинает сбываться. Исламабад отказался от участия в «Решительном шторме», не оправдались расчеты Эр-Рияда на Каир и Анкару. Прекрасно понимая, что своими силами им наземную операцию не осуществить, саудиты уже заявили об отсрочке ее проведения. «Силы сопротивления хуситам», дескать, «еще не достаточно едины», — говорится в официальном заявлении по этому поводу. Но борьба далеко не закончена. Ни в Йемене, ни где-либо еще. Верховный лидер Ирана не просто критиковал саудитов — он выступил с предостережением о новых опасностях. И для Исламской республики. И для всего региона.

Амин Парто

Отмена военных санкций против Ирана и перспектива возобновления военного сотрудничества между Москвой и Тегераном

По всей видимости, после отмены санкций, введенных против Ирана Советом Безопасности ООН, для Тегерана сейчас складывается весьма благоприятная ситуация. Если швейцарская декларация приведет к подписанию окончательного договора между Исламской Республикой и «шестеркой» международных посредников, со страны будут сняты ограничения на покупку импортного вооружения. Это коснется и отмены запрета на поставки любого вида тяжелых вооружений, запчастей к ним и соответствующих технологий, что является основным препятствием в области импорта оружия в Иран. Также будут сняты санкции в нефтяной и банковской областях, из-за которых государству стало несколько труднее наполнять бюджет. С отменой односторонних нефтяных и финансовых санкций Иран даже в условиях снижения мировых цен на нефть получит доступ к огромной части своих замороженных активов, а его прибыль в иностранной валюте значительным образом увеличится. Данное обстоятельство позволяет весьма оптимистично оценивать дальнейшее российско-иранское сотрудничество в военной области, ведь после Исламской революции 1979 года Россия была самым крупным для Ирана поставщиком вооружения.

России удалось сыграть исключительную роль в военном сотрудничестве с Ираном, пусть в этом партнерстве и были некоторые подчас продолжительные паузы. Если не считать Китая, который сейчас стремительно завоевывает себе позиции одного из крупнейших производителей на мировом рынке вооружения, то Иран имеет дело только с одним серьезным экспортером данного вида продукции. Только Россия в состоянии производить все виды вооружения достойного качества и, разумеется, имеет возможность поставлять оружие в Иран. Существуют серьезные сомнения в том, что какое-либо государство Запада или кто-то из его союзников в скором времени смогут продавать вооружение Исламской Республике. Между тем начало нового этапа военного сотрудничества между Москвой и Тегераном ставит на повестку дня целый ряд вопросов, а именно: к какому виду продукции Иран будет проявлять интерес и в какой мере Москва сможет удовлетворить

его запросы? Какие меры необходимо предпринять Ирану, чтобы избежать повторения негативного сценария, когда Россия отказывается от сотрудничества? И, наконец, что может Исламская Республика сделать для того, чтобы РФ не превратилась в единственного поставщика вооружений?

Какие виды вооружений Иран надеется получить от России?

Россия и Иран начали военное сотрудничество задолго до введения санкций Совета Безопасности ООН. В начале текущего года две страны подписали договор о военном партнерстве в надежде на то, что в скором времени с отменой запретительных мер они снова смогут начать активное сотрудничество в этой области. В частности, российское руководство говорит о возможности поставки в Иран купленных им зенитно-ракетных комплексов С-300, а один российский военный эксперт даже заявил, что обе страны готовы заключить контракты на сумму в 13 миллиардов долларов.

Как видно, Иран чрезвычайно заинтересован в военном сотрудничестве с Россией, причем это касается не только поставок комплексов С-300 и противовоздушной обороны. Военно-воздушные силы Исламской Республики нуждаются в новом оборудовании. Несмотря на планы о создании собственных самолетов-истребителей, Ирану необходимо партнерство с Россией. В частности, ему предстоит модернизировать свой вертолетный флот. На фоне значительных достижений в плане оборудования для сухопутных сил стране также нужно заменить устаревшую бронетехнику. Что касается танков, то здесь, конечно, можно привести пример собственного иранского производства, модель Zulfaghar, однако американские и британские образцы М-48 М-60 и Chieftain, полученные еще до революции, а также трофейную технику, которая досталась иранской армии в результате войны с Ираком, следует заменить. Свои потребности имеются и у военно-морских сил ИРИ. К примеру, в течение следующего десятилетия необходимо найти замену для иранских подводных лодок класса «Кило» российского производства либо модернизировать их для увеличения срока эксплуатации.

Однако в противовес всем этим запросам попытки снабжать Иран оружием будут, скорее всего, сталкиваться с определенными трудностями. Первая из них связана с политикой России в этой области. Москва имеет некоторые опасения в отношении Ирана, вытекающие из ее представлений о роли Исламской Республики в регионе, поэтому она, вероятно, вряд ли захочет продавать своему соседу самое современное оружие. Кроме того, стоит напомнить, что за последние два десятилетия Москва не раз отказывалась от поставок Тегерану новейших военных разработок под давлением Соединенных Штатов, арабских стран и Израиля.

Согласится ли Россия поставлять Ирану ключевые средства вооружения?

В 2007 году израильским информационным порталом DEBKAfile был опубликован ряд сообщений о том, что Иран намеревается закупить у России 250 истребителей Су-30 и 20 самолетов-заправщиков Ил-78. Москва,

правда, сразу же опровергла это заявление. С того момента прошло несколько лет, а в вопросе о приобретении российских вооружений до сих пор основным фактором остается не столько количество, сколько качество и эффективность этих вооружений. Учитывая то, что в девяностых годах и даже еще позднее Россия оставляла без внимания предложения Ирана о покупке Су-27 и Су-30, существует вероятность того, что вместо таких машин, как, например, Су-35, или даже еще более современных моделей она вновь захочет подсунуть Тегерану маломощные МиГ-29СМТ или вообще МиГ-35. Вот еще один пример: Москва продала Ирану подлодки «Кило», которые не рассчитаны на стрельбу противокорабельными ракетами.

Вторая трудность состоит в том, что, к сожалению, производители российского оружия уже несколько раз поставляли своим покупателям неподходящее и даже бракованное оборудование, что вызывало у тех серьезное недовольство. Именно низкое качество поставленных вооружений вооружения стало причиной конфликта России с Индией по поводу Су-30, а также с Алжиром и Перу из-за МиГ-29.

Третья проблема заключается во внешнеполитическом давлении. В прошлом Россия не раз отказывалась от развития военного сотрудничества с Ираном под давлением Америки, Европы, арабских государств и Израиля. Довольно часто случалось и такое, что, закупая оружие у России, арабские государства тем самым платили Москве мзду за то, чтобы она не поставляла оружие Тегерану. Кроме того, вполне возможно, что из-за оружейных поставок Исламской Республике Россию будут подвергать еще большему давлению в связи с украинским кризисом.

Четвертая проблема сводится к политической обстановке внутри Ирана. Современный иранский истеблишмент много раз жестко критиковал политику шахских властей до революции в связи с крупномасштабными закупками оружия за рубежом. Поэтому, учитывая к тому же нынешнюю экономическую ситуацию в стране, от Ирана не стоит ждать, по крайней мере в ближайшее время, заключения очень крупных военных контрактов.

Задачи Ирана — сохранить осторожность в закупках и не допустить возникновения российской монополии

Есть все основания предполагать, что для реализации адекватной политики в отношении этих возможных проблем Иран должен тщательно обдумывать принимаемые им решения и, в частности, воздерживаться от того, чтобы скупать все подряд у щедрой России. Хотя бы надо стараться не повторять тех ошибок, которые были допущены в начале девяностых годов при закупке МиГ-29. Исламской Республике ни в коем случае не стоит покупать подержанное российское вооружение, даже если Москва будет предлагать для этого выгодные условия, а в случае возникновения малейших технических недостатков (как это было в случае с техникой, приобретенной Индией, Алжиром и Перу) следует немедленно приостанавливать все сотрудничество. Все данные аспекты должны быть непременно зафиксированы в заключаемых контрактах. Помимо этого, по мере

возможности следует уделять внимание лицензионному производству в самом Иране и передаче ему технологий. Необходимо воздерживаться от приобретения или закупать в самых малых количествах оружие, которое не обеспечит Ирану значительного военного преимущества или не является для него жизненно важным. Если все же решение о военных закупках принято, важно делать выбор в пользу самых современных образцов. Нельзя допустить повторения ошибок, допущенных в девяностых и нулевых годах, когда за рубежом были куплены комплексы противовоздушной обороны САМ-6 и Тор-М1. Если Иран все-таки соберется приобретать российское оружие, то выбор должен быть сделан в пользу самых лучших, новейших и совершенных образцов. Оружейные контракты с Россией следует заключать при соблюдении всех этих параметров, в противном случае от сделки с российской стороной следует отказаться.

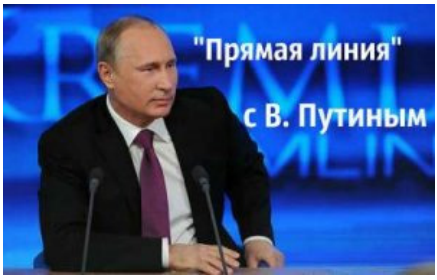
Помимо этого, Ирану не следует выбирать те виды вооружения, наличие которых вызовет сильный резонанс в других странах. К примеру, покупка систем противовоздушной обороны, которые имеют исключительно оборонительный характер, спровоцирует гораздо меньше волнения в международных кругах, нежели поставки противокорабельных ракет, новых подводных лодок класса «Лада» или морских мин. К тому же ввиду того, что Иран борется с кризисом на территории Ирака, Тегерану необходимо заботиться о боевой мощи своих воздушных и бронетанковых сил.

Еще одним важным шагом Ирана должно стать обращение к другим производителям оружия. Самым важным из них является Китай, хотя в отношениях и с этой страной следует учитывать негативный опыт прошлого сотрудничества. Вместе с тем сейчас КНР уже не производит дешевое и некачественное вооружение, как это было раньше. В настоящее время эта страна значительно расширила ассортимент военной продукции, которая, к тому же, отличается приемлемым уровнем качества. Более того, КНР постепенно добивается независимости в плане военного производства. Через несколько лет эта страна станет полностью самостоятельна даже в производстве двигателей для истребителей и освободится в этом плане от российской зависимости. Несмотря на то, что Россия по-прежнему приводит доводы касательно ограниченного характера военных связей с Китаем, Иран вполне в состоянии выбирать между этими двумя игроками. Так, для некоторых военных целей Ирану могли бы подойти недорогие и эффективные китайские истребители J-10 и J-17. Кроме того, Китай добился значительных успехов в производстве дизельных подводных лодок, большую партию которых у него уже заказал Пакистан. Различную продукцию выпускает китайское вертолетостроение, больших успехов добилась эта страна и в выпуске военно-транспортных средств.

Как только Иран найдет третьего поставщика вооружения, после отмены санкций он сможет еще больше разнообразить перечень закупаемой продукции. Так, в конце восьмидесятых — начале девяностых годов Исламская Республика довольно активно сотрудничала в военно-промышленной сфере с Бразилией, и возможность возобновления этого сотрудничества все еще остается. Украину, несмотря на ее прозападную ориентацию, также можно рассматривать как поставщика широкого спектра товаров военного назначения. Определенными возможностями для этого также обладают Сербия и Белоруссия.

Игорь Панкратенко

Российско-иранская весна



События последних дней — отмена запрета на поставку С-300 в Иран и подтверждение сделки «российские товары в обмен на иранскую нефть» — стали, без всякого сомнения, главными новостями месяца. Означает ли это, что в отношениях между нашими странами наступила долгожданная «весна»? И если да — то каким будет политическое «лето» для Москвы и Тегерана?

У Джона «лгунишки» Керри и его начальника в Белом доме — опять неприятности, и опять на Востоке. Задуманная операция по «совершению американской дипломатией подвига» — навязывание Тегерану американской версии соглашения по ядерной программе — провалилась. Причем, с такой скоростью, что ни госсекретарь, ни президент США так и не успели «продать» Конгрессу невнятные итоги Лозанны как полноценное «принципиальное соглашение» и доказательство того, что у них с Ираном все под контролем. Владимир Путин опять спутал карты Вашингтону и их союзникам. Двумя неожиданными ударами на иранском направлении российской политики Президент выбил из рук Вашингтона дипломатическую инициативу. Как образно прокомментировало ситуацию издание The Wall Street Journal: «Путин поднес администрации Обамы геополитическую фигу».

Легкие истерические всхлипы еще толком не оправившихся от шока западных политиков и комментаторов — решения, дескать, незаконны и чего-то там подрывают — конечно, обернутся еще ушатом грязи для Москвы, но по большому счету их не стоит принимать во внимание. Это реакция склочной жены, уверенной, что может скандалить, лгать, изменять — и ничего ей не будет. А когда супруг внезапно от нее уходит, всему свету на чистом глазу жалуются: «Да как он посмел? Как мог оставить? Я ли не золото?»

По части золота Западу, конечно, равных нет, но вот только что в отношении Москвы, что в отношении Тегерана чаще всего оно оказывалось «самоварным», грубой, хоть и до блеска отполированной, подделкой. Вы стремились всячески принизить роль России в процессе урегулирования вопроса по иранской ядерной программе? За спиной Москвы вы сепаратно предлагали Тегерану некие политические «преференции» в обмен за отказ от партнерства с Россией? Вы заваливали нас обещаниями всяческих благ за отказ от сотрудничества с Тегераном? Все эти годы, с момента встречи Владимира Путина с Верховным лидером Али Хаменеи вы лгали, юлили и интриговали. Так на что же теперь вы жалуетесь — на то, что две страны наконец-то решили обходиться без посредников?

Теперь уже можно сказать о том, что подготовка ряда серьезных российско-иранских шагов началась с октября прошлого года. Можно назвать и некоторых главных действующих лиц с российской стороны: Сергей Рябков (МИД), Сергей Шойгу (Минобороны), Николай Патрушев (Совбез), которые работали в тесном контакте со своими иранскими коллегами из соответствующих структур, зачастую не торопясь информировать о своей деятельности широкую общественность. О деталях говорить рано, но об одном упомянуть просто необходимо: в своих действиях Москва дотошно соблюдала все взятые на себя международные обязательства.

Немного о «незаконности» российских шагов

Как уже было упомянуто выше, западные масс-медиа и политический истеблишмент еще не раз затронут тему «незаконности» обнародованных в апреле российских шагов. Ну а поскольку многочисленные отечественные «комментаторы» и «эксперты» любят копаться в отбросах западных информационных продуктов, вытаскивая порой такое, что запах с ног сшибает, необходимо расставить точки в этом вопросе.

Уже прозвучал аргумент о том, что контракт по С-300, дескать, нарушает санкции ООН, а потому не может быть возобновлен до снятия этих санкций. Тут уж, как говорится, позвольте не позволить. Указ о приостановке контракта был подписан президентом Медведевым в 2010 году исходя из расширительной трактовки этих санкций. О мотивах бывшего президента, работающего ныне премьер-министром, было подробно написано на Иран.ру, но главное не в этом — приостановка контракта была добровольным и дополнительным ограничением, наложенным на себя Москвой. Столь же правомерно, что Россия сегодня сняла с себя это ограничение, не нарушая никаких норм международного права.

С соглашением «иранская нефть в обмен на российские товары», который получил название «Большого нефтяного контракта», дело обстоит еще проще. В январе прошлого года, когда слухи об этом соглашении только-только появились в публичном пространстве, Совет безопасности США заявил, что оно является «нарушением санкций в отношении Ирана». На что Сергей Лавров ответил, что, во-первых, американская сторона откровенно лукавит, поскольку речь идет о нарушении не международных, а односторонних санкций, введенных США и ЕС в отношении Тегерана. И, во-вторых, напомнил, что Москва к этим односторонним санкциям никогда не присоединялась, считает их неправомерными и соблюдать их не намерена.

Но если с правовой точки зрения нынешние шаги России выглядят безупречно, то некоторое недоумение — почему они были приняты именно сейчас? — все же остается.

О прагматичности и своевременности

Прежде всего, указ Президента по С-300 был, что называется, «подверстан» под визит министра обороны Ирана Хосейна Дегхана, который по приглашению Сергея Шойгу принял участие в работе 4-й Московской конференции по международной безопасности. В оценке внешних угроз на Востоке

наши страны сформулировали общую позицию, о которой иранский министр обороны заявил в свое выступлении: США и их союзники активно используют терроризм как инструмент реализации собственных геополитических интересов, пытаясь замаскировать этот процесс «религиозными» или «этническими мотивами». В этих условиях роль Ирана как естественного союзника России в деле сдерживания нестабильности возрастает, а союзника нужно поддерживать.

Далее. Москве очевидно, что хотя Запад и признал право Ирана на реализацию мирной атомной программы, согласившись «сквозь зубы» на некоторое число центрифуг и низкообогащенного урана, но окончательное решение вопроса — снятие санкций — готов растянуть не меньше чем на десятилетие. Своим шагом Россия подчеркнула, что основные требования международного сообщества в части своего «атомного досье» Иран выполнил. Как заметил Владимир Путин еще в декабре прошлого года: «Не понимаю, почему соглашение не подписано до сих пор». В части односторонних санкций США и Евросоюз могут торговаться с Ираном «до посинения», но их мнение по данному вопросу теперь не является решающим ни для России, ни для Китая.

Немаловажно и то, что указ о снятии запрета на поставки откровенно направлен на то, чтобы, как это было в истории с «атомным контрактом», застолбить за Москвой иранский рынок вооружений, емкость которого для нашей страны оценивается в 3,5–4,5 миллиарда долларов (звучащие цифры о десяти-одиннадцати миллиардах следует, все же, воспринимать как слишком оптимистичные). Этими же экономическими соображениями — занять место на рынке — продиктована и реализация «Большого нефтяного контракта». И, наконец, еще одно малозамеченное обстоятельство. В нужное время и нужными шагами российский Президент и его «узкий круг» поддержали те круги в военно-политическом руководстве Ирана, которые скептически относятся к соглашениям с Западом и являются сторонниками партнерства с Россией.

Весны без грязи не бывает

Все изложенное выше не должно восприниматься как некая «победная реляция» и порождать завышенные ожидания. Всякое действие рождает противодействие, а уж «весна» в российско-иранских отношениях неизбежно вызовет массу грязи и сложностей. Указ о снятии запрета на поставки С-300 — это еще не сами поставки. «Большой нефтяной контракт» еще нуждается в массе уточнений. И одновременно с этим и в Москве, и в Тегеране по-прежнему остается огромное количество «ориентированных на запад» людей, для которых партнерство наших стран — вещь крайне нежелательная. Даже самые решительные шаги и заявления первых лиц не устраняют автоматически «подводных камней» и откровенного саботажа, свидетелями чему за эти годы мы были неоднократно.

Уже сейчас вполне отчетливо проступают контуры информационной атаки на партнерство наших стран, в первых рядах которой идут многочисленные «эксперты и политологи», твердящие, что Ирану доверять ни в коем случае нельзя, что весь его антиамериканизм — «большой блеф», что на самом деле Тегеран и Вашингтон давно уже заключили некую «секретную сделку». И это — только начало.

А письмо к Керри с требованием «сделать все возможное, чтобы предотвратить поставку российских зенитно-ракетных комплексов С-300 в Иран», которое конгрессмены Питер Роскам (сопредседатель фракции союзников Израиля в республиканской партии) и Тед Дойч (второй по старшинству член подкомитета по Ближнему Востоку и Северной Африке) отправили на днях — лишь первая ласточка ожесточенной борьбы, которая развернется по данному вопросу в США. Причем в этом письме есть одна пикантная подробность, которая как нельзя лучше характеризует настроения в значительной части американского истеблишмента. Одним из аргументов авторов письма является то, что «появление у Тегерана таких вооружений существенно повлияет на способность США нанести военный удар по Ирану в случае возникновения такой необходимости». Ни больше, ни меньше — указ российского Президента, оказывается, может помешать США (и, разумеется, Израилю) разбомбить Иран. К тому же не сказали еще своего окончательного слова в этой истории ни Тель-Авив, ни Эр-Рияд. Но в том, что они приложат все усилия чтобы сорвать «российско-иранскую весну», не останавливаясь при этом ни перед интригами, ни перед кровью, ни перед провокациями, сомневаться не приходится.

* * *

Признаки «весны» в отношениях между Тегераном и Москвой еще зыбки и вполне обратимы. Объективность требует признать, что две страны по-прежнему рассматривают друг друга в основном как дополнительный рычаг в диалоге с теми же США и Евросоюзом. Изменение этой ситуации требует много усилий и политической воли. Хватит ли ее у Ирана и России? Придет ли «лето» в двустороннем диалоге? Откровенный ответ на этот вопрос, думаю, мы узнаем достаточно скоро — по итогам июльского саммита ШОС в Уфе.

Иван Лизан

Иран после Лозанны: чего стоит ожидать России и Евразии от Тегерана

Несмотря на отсутствие ясности с российско-иранской сделкой «нефть в обмен на товары», с учетом снятия запрета на поставки Ирану зенитно-ракетных комплексов С-300 (собственно комплексы поставят в Иран до конца этого года), из сферы взаимоотношений Тегерана и Москвы убраны практически все раздражители, а самим отношениям придан мощный конструктивный импульс. Потому самое время разобраться в перспективах отношений не только России и Ирана, но и очертить будущие контуры взаимодействия Евразии с Исламской республикой Иран.

Дебет и кредит Лозанны

Вне зависимости от того, будут ли реализованы договоренности Ирана с «шестеркой», главными выгодополучателями от лозаннских соглашений стали Тегеран и Россия, а вот США оказались в крайне затруднительном положении.

Во-первых, факт относительно успешного завершения 18-месячного переговорного процесса использован Россией как повод для нормализации отношений с Ираном. Примечательно, что повод с точки зрения международного права безупречен. Даже если антииранские санкции не будут сняты, а Иран предпочтет не демонтировать свои обогатительные центрифуги и все же сделать последний шаг в рывке к атомной бомбе, то к новым санкциям Москва уже точно не присоединится.

Во-вторых, прорыв Тегераном изоляции потенциально позволит принять Исламскую республику в ШОС на грядущем саммите ШОС и БРИКС в Уфе и расширить клуб противников США на евразийском материке.

А вот каких успехов добились США — решительно непонятно. Режим аятолл как управлял Ираном, так и управляет. Тегеран продолжает реализовывать свой внешнеполитический курс в арабском мире, что выражается как в постепенном, ползучем вовлечении шиитских провинций Ирака в сферу влияния Ирана, так и в противостоянии йеменских шиитов с саудитами. Кроме того, Вашингтон изрядно испортил отношения с Израилем и сун-

нитскими монархиями Персидского залива, не получив взамен ожидаемой американскими элитами капитуляции Ирана. Очевидно, что цель Вашингтона во всей околоиранской эпопее не достигнута: власть не сменена, нефтяные запасы Ирана под контроль США не перешли, а сам Иран даже не ослаблен.

Похоже, что инициатива Обамы по наведению мостов с Ираном провалилась — оценивать степень исполнения Тегераном условий соглашения с «шестеркой» будут иранофобы-республиканцы.

Поэтому чем бы ни закончилась реализация сделки, Иран уже выиграл. Впрочем, Тегеран попытается получить от оттаявших отношений с Западом все, а в первую очередь добиться разморозки 100-миллиардных активов и снятия эмбарго на продажу нефти.

Новые точки соприкосновения

Примечательно, что главные страшилки — выброс значительных объемов нефти на рынок с последующим падением цен на черное золото и превращение Ирана в конкурента России на европейском газовом рынке — так и останутся фобиями.

Тегеран не желает дополнительного падения цен на нефть, равно как и ухудшения отношений с Россией. Спрогнозированная российским Минэнерго цена на уровне 50–60 долл. за баррель нефти учитывает грядущее появление на рынке иранских углеводородов, а газ в страны Евросоюза Тегеран даже по самым оптимистичным прогнозам сможет поставлять не раньше 2020 года.

Впрочем, пожелают ли персы бить горшки с Россией — вопрос открытый, ведь перспективы сотрудничества здесь куда больше, чем потенциальная выгода от продаж газа озабоченным энергонезависимостью европейцам в пику России — страны объединяет куда большее, чем схожая структура экспорта.

Во-первых, что Россия, что Иран не заинтересованы в укреплении позиций США в каспийском регионе, а потому желание Туркменистана получить американскую помощь, которой Вашингтон попытается привязать к себе Ашхабад, не может не беспокоить Москву и Тегеран.

Во-вторых, сползающий в хаос Афганистан становится общей головной болью. Спешные попытки России усилить обороноспособность своих среднеазиатских союзников и заявление Ирана о готовности к проведению совместной с Кабулом и Исламабадом контртеррористической операции на территории Афганистана и Пакистана — очередные точки соприкосновения России и Ирана, которые заинтересованы в стабилизации Центральной Азии.

В-третьих, снятие эмбарго на поставку С-300 и меморандум о военном сотрудничестве между Москвой и Тегераном открывают перед Россией невероятные перспективы по перевооружению армии исламской республики. А учитывая почтенный возраст боевых машин Ирана и бардак в соседнем Ираке, «гибридную» войну персов с саудитами в Йемене, Тегеран постарается бросить все силы на укрепление своей обороноспособности.

В-четвертых, намерение Росатома построить в Иране порядка 8 энергоблоков — практически полностью гарантирует отсутствие между странами каких-либо существенных конфликтов. Страны, сотрудничающие в сфере мирного атома, — не воюют между собой. Слишком уж зависит от планирования постройка и эксплуатация АЭС, равно как цикл по добыче урана, фабрикации ядерного топлива и его регулярной замене на работающих АЭС.

Примечательно, что США, равно как и Китай, не могут гарантировать Ирану энергетическую безопасность, так как не обладают новейшими атомными технологиями и не имеют достаточных запасов урана. Потому российско-иранская атомная дружба станет дополнительным фактором, который будет стабилизировать межгосударственные отношения.

В-пятых, реализация сделки «нефть в обмен на товары» дополнительно укрепляет отношения России и Ирана, при этом конкуренции между странами быть особой не может — сказывается ориентация на разные рынки и превосходство России в машиностроении и ВПК. При этом даже торговая и железнодорожная экспансия Ирана не являются препятствием для конструктивных отношений.

В-шестых, идея Ирана по созданию зон свободной торговли с соседями весьма неплохо стыкуется с планами Китая по воссозданию нового Шелкового пути и прокладке через Центральную Азию железнодорожных путей, в которых Иран является одним из важнейших транзитных узлов. Потому в среднесрочной перспективе это окажет весьма благотворное влияние на обстановку в регионе.

В-седьмых, российский бизнес уже готов вернуться в Иран, в частности «Лукойл» уже восстановил деятельность своего офиса в Тегеране. Освоить рынок Ирана попробует и Белоруссия, а Казахстан уже нарастил в 1,6 раза товарооборот с Персией. А пока Иран и ЕАЭС начали переговоры о создании зоны свободной торговли.

* * *

Стало быть, никакого разворота Тегерана в сторону США быть не может — Вашингтон не в состоянии ничего предложить Ирану. Равно не стоит впадать в безумный оптимизм по поводу российско-иранской дружбы и вышивать золотыми буквами на красных знаменах лозунги «Персы и русские — братья навек». Иран — одно из древнейших государств в мире, и единственная политика, которую будут проводить потомки персидских правителей, — проиранская, однако на данном этапе построения многополярного мира Москве, Минску, Астане и Еревану с Тегераном предстоит идти по одной дороге Истории.

И, пожалуй, единственное, что может стать ложкой дегтя в бочке российско-иранского «меда», — вопрос поставок иранских энергоносителей в страны ЕС, и границы, если Тегеран по какой-то причине решит их перекроить. Впрочем, зачем это ему — решительно непонятно, ведь капитал границ не имеет, а «пришить» к себе соседей Ирану вполне под силу с помощью труб, рельсов и денег.

Алексей Заквасин

Российские ракеты способны остановить Обаму

Несмотря на достигнутый прогресс по ядерной программе, Вашингтон продолжает грозить кулаком Ирану. Поводом этому стала отмена Владимиром Путиным эмбарго на продажу С-300 Тегерану. В эфире американского телеканала MSNBC Барак Обама заявил о том, что российские зенитно-ракетные комплексы на иранской земле будут бессильны перед американской военной мощью.

«Даже если они получат несколько ЗРК, мы сможем их обойти, если в этом будет необходимость», — отметил президент США. В подтверждение своих слов Обама почему-то привел суммы военных расходов Соединенных Штатов и Исламской Республики. Хотя куда логичнее было бы назвать хотя бы один технический способ нейтрализации С-300.

Военные бюджеты США и ИРИ действительно несопоставимы. «Наш оборонный бюджет составляет почти $600 млрд, а их (иранцев) — немногим меньше $17 млрд», — похвастался Обама, напомнив, что Вашингтон выступает против поставок Тегерану обещанных еще в 2007 году ракетных систем.

Пользуясь случаем, хозяин Белого дома предупредил руководство Ирана о недопустимости помощи хуситам, изгнавшим йеменского президента. В своей речи Обама намекнул, что для пресечения поставок оружия повстанцам американцы могут задействовать свои корабли, бороздящие последние десятилетия просторы Персидского залива.

Один в поле воин

У Ирана не самые теплые отношения со странами Ближнего Востока, в которых подавляющее большинство жителей исповедует суннизм. Если к этому прибавить десятки военных баз США в регионе, а также Израиль с ядерным оружием и передовой армией, то Исламская Республика оказывается один на один против мощнейшей военной группировки.

Ситуация для Ирана осложняется еще и тем, что с 2010 года, когда Совбез ООН принял резолюцию 1929, Тегеран (по крайней мере по официальным каналам) практически не получал вооружения зарубежного производства.

Угрозы Обамы носят политический характер и не имеют под собой реальной основы

В этой связи обещанные Россией пять дивизионов ЗРК и грядущая отмена санкций могут поправить положение дел ИРИ в оборонной сфере.

Опрошенные «Русской планетой» эксперты сошлись во мнении, что угрозы Обамы носят политический характер и не имеют под собой реальной основы.

В случае войны с Ираном США понесут большие потери

Руководитель Центра военного прогнозирования Анатолий Цыганок считает, что «господину Обаме очень хочется выдать желаемое за действительное». Говоря о возможной агрессии против ИРИ, эксперт выделил три основных сценария. Первый заключается в ракетно-бомбовом ударе по ядерной инфраструктуре и стратегически важным объектам, второй — в продолжительной операции с применением авиации, третий — в наземной кампании. Однако Цыганок отметил, что Иран проводил учения, направленные на отработку приведенных выше сценариев. «Американцы могут потерять больше самолетов, чем планируют», — уверен он.

Вице-президент Академии геополитических проблем, доктор военных наук Константин Сивков считает, что заявление Обамы «не несет какого-либо стратегического смысла». Сивков подчеркнул, что с поставкой С-300 возрастает риск потерь агрессора, а значит, снижается вероятность атаки. Эксперт полагает, что даже нынешняя система ПВО Ирана способна отражать удары до 200 машин противника, а для ее подавления понадобятся 800 машин.

С-300 значительно усилит боевую мощь ПВО Ирана

Цыганок напомнил, что воздушные рубежи Исламской Республики защищает трехступенчатая система ПВО: на вооружении иранской армии стоят С-150, С-200, китайские мобильные комплексы, зенитно-ракетные средства иранских эсминцев. «Учитывая имеющиеся у Ирана средства ПВО, страна в случае атаки уничтожит 40–50 самолетов, а обещанные С-300 могут ликвидировать еще 50 машин противника», — полагает Цыганок. В этой связи эксперт рассматривает российские ЗРК как очень важное дополнение к иранской ПВО.

Продолжая тему вероятных потерь агрессора, Сивков указывает, что на подавление одного дивизиона С-300 (четыре комплекса) потребуется 48 машин противника. «Таким образом, чтобы пробить брешь в обороне и подавить пять дивизионов, понадобятся до 250 машин», — сказал эксперт. Сивков подчеркнул, что С-300 способны поражать американские ракеты и самолеты. Он не сомневается, что американцы понесут ощутимые потери, если начнут осуществлять свой замысел.

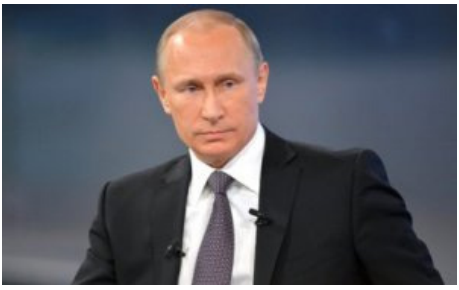
Опрошенные РП военные аналитики уверены, что система противовоздушной обороны ИРИ способна оказать достойное сопротивление потенциальному противнику. При этом появление С-300 значительно усилит боевую мощь Ирана и понизит вероятность агрессии против Исламской Республики.

Москва исправляет ошибку

Текущая ситуация вокруг Ирана вызвана ожесточенными спорами относительно ядерной программы и опрометчивым отказом Москвы от поставок С-300 в 2010 году. В тот момент Россия по большому счету пошла на поводу у американцев и за свою уступку Западу ничего не получила. И это решение крайне негативно повлияло на авторитет РФ в мире. Враги и друзья вероятно уже сделали себе определенную «заметку», и последние шаги Москвы в сторону Тегерана есть ни что иное, как реализация геополитического проекта в ближневосточном регионе.

Раджаб Сафаров

Время вызова: Израиль и саудиты против России



Вашингтон и его союзники на Ближнем Востоке — Израиль и саудиты — намерены заставить Россию заплатить за излишнюю, по их мнению, самостоятельность. За робкое сближение с Ираном, за Сирию, Египет, за попытки напомнить о том, что кроме права сильного есть еще и право международное. Этому трио Москва в регионе не нужна ни под каким видом и ни в какой роли. Поэтому сейчас, при полной поддержке США, Тель-Авив и Эр-Рияд начнут атаку на российские позиции. Это новая реальность, которая требует продуманной стратегии, адекватного ответа и отказа от иллюзий.

Зенитно-ракетные комплексы С-300, разумеется, полностью не смогут защитить Иран в случае американской агрессии, в которой, случись эта региональная трагедия, с огромным энтузиазмом примут участие и Израиль, и саудиты со своими вассалами из «Священного союза арабских монархий». Но вполне могут сделать потери нападающих неприемлемыми. Именно это обстоятельство буквально взбесило членов антииранской коалиции — от американских конгрессменов до израильских ястребов и шиитофобов из династии Саудов.

Но куда как большее негодование вызвал у них подтекст указа российского президента об отмене запрета на поставку Тегерану С-300. По сути, Кремль заявил, что у России есть свои интересы на иранском направлении — и политические, и экономические. И продолжать делать эти интересы заложником геополитических интриг США и его союзников Москва больше не намерена. Подобный ход и в Вашингтоне, и в Тель-Авиве, и в Эр-Рияде расценили не как вызов, а как откровенное оскорбление, не побоюсь этого сравнения — как покушение на святое. С 90-х годов прошлого века США считали Ближний Восток своим «задним двором», хозяйством пусть и хлопотным, но стабильно дававшим доход, приличный кусок масла и тарелку икры на подсушенный в тостере кусочек хлеба финансистов, военных, лоббистов, разведчиков и прочих «востоковедов в штатском». А поскольку доверенность на управление этим «задним двором» была выписана на имя израильтян и саудитов, то они тоже в полной мере извлекали прибыль от своего эксклюзивного положения. Порой, конечно, зарывались, критиковали Вашингтон за «ошибки управления» и вмешательство в вопросы, которые считали исключительно своей вотчиной. Но, в целом, все эти конфликты вполне проходят по разряду «милые бранятся — только тешатся».

Для этого трио Тегеран всегда был проблемой, но проблемой привычной, которую, в общем-то, уже научились сдерживать. Более того, разработали целый инструментарий, от «калечащих санкций» до «суннито-шиитского противостояния», которые позволяли рассчитывать, что в конце концов, со временем Иран попросту «сломается» в гонке региональной напряженности. Но появление на ближневосточной арене нового игрока, России, которая в последнее время начала позиционировать себя как «незападная страна», имеющая собственные интересы и свой взгляд на происходящее, в корне поменяло региональный расклад. Тегеран для США и его союзников — это проблема и вызов. Но тот же Тегеран, имеющий партнерские отношения с Москвой, — уже реальная угроза. А если между Тегераном и Москвой установятся стратегические отношения (а это вполне реально, т.к. у них много общего во взглядах и интересах), то это приведет как минимум к резкому сокращению присутствия США в регионе, началу распада Саудовской Аравии как государства, превращение Израиля в балансирующее на грани жизни и смерти карликовое государство в границах 1967 года. Вместе с тем, союз Тегерана и Москвы превратит Россию в реальную супердержаву, совсем по-другому пойдут процессы по линии региональных образований: ШОС, ОКДБ, ЕвраЗЭС, БРИКС и т.д. Россия и Иран будут доминировать в формировании мировой энергетической политики, Россия вернется на Ближний Восток, станет членом Организации исламского сотрудничества (ОИС). Ну, а Иран окончательно утвердится в качестве региональной супердержавы, признанного лидера исламского мира. «Сдуются» амбиции Турции, лишенной поддержки США, Израиля и монархий Персидского залива. Стратегические отношения между Москвой и Тегераном заставят Евросоюз пересмотреть свою проамериканскую ориентацию, в корне изменит отношение к доллару и Бреттон-Вудской финансовой системы.

Израильское «решительное осуждение» России и его последствия

О том, что запрет на поставки С-300 в Иран будет снят, российская сторона проинформировала Израиль за несколько дней до того, как соответствующий указ был подписан Владимиром Путиным. Стремясь смягчить ситуацию и уберечь «неистового Биби» Нетаньяху от потрясения, Сергей Лавров особо отметил, что «С-300 — зенитно-ракетный комплекс, который имеет исключительно оборонительный характер, не приспособлен для целей нападения и не поставит под угрозу безопасность какого-либо государства региона, включая, конечно, Израиль». Впрочем, это было не более чем дипломатической вежливостью, поскольку одновременно Москва дала понять, что данный вопрос не является предметом обсуждения или торга.

Тель-Авив был откровенно шокирован и в первом эмоциональном порыве не придумал ничего лучшего, как не посылать высокопоставленных руководителей в Москву на празднование 9-го мая 70-й годовщины победы над нацистской Германией. Вместо правительственной делегации будет только израильский посол Дорит Голендер. Но это, подчеркну, был только первый порыв, ничего общего не имеющий с реальными ответными мерами, которые сейчас в срочном порядке разрабатывают в Тель-Авиве.

В жесткости и болезненности этих мер для Москвы сомневаться не приходится. Поскольку вопрос о С-300 для Ирана в Тель-Авиве воспринимают куда глубже, чем эпизод военно-технического сотрудничества России с враждебной страной. С 90-х годов отношения с Израилем были своеобразным индикатором истинных внешнеполитических намерений российского правящего политического класса. Союз с Израилем, не приносящий видимых экономических выгод, зависящий от отношений Тель-Авива с Вашингтоном, не отвечающий государственным интересам многонациональной России, был верным признаком того, что Москва лояльна США и готова следовать в кильватере американской внешней политики.

Таким образом, вопрос об отношениях нашей страны с Израилем всегда был вопросом о характере отношений с Америкой и ее союзниками, своеобразным «камнем преткновения» в борьбе российских государственников с западно-ориентированными «антипутинцами». Попытки последних лет хоть как-то договориться с Тель-Авивом об учете российских интересов ни к чему не привели.

Израиль, с одобрения Вашингтона, практически всегда вел антироссийскую политику, нанося реальный ущерб российским интересам. Вспомним его «военно-техническое и разведывательное проникновение» в Азербайджан, передачу суперсовременных беспилотников Грузии в грузино-российском конфликте, убийства иранских ядерщиков и вирусные атаки на компьютеры Бушерской АЭС, уничтожение российских вооружений, только поступивших в Сирию, явную поддержку оппозиционных движений и деятелей России, постоянное очернение России в глазах мирового сообщества через подконтрольные им СМИ в мире и в самой России. Кстати, в настоящее время почти все ведущие телеканалы и радиостанции России контролируются произраильскими и прозападными менеджерами, которые тянут за собой на экран и в информационное поле в первую очередь произраильских, а затем прозападных, точнее проамериканских экспертов. Понятно на формирование какого общественного мнения настроены эти деятели.

Демонстративное пренебрежение, ложь, шантаж и неприкрытые угрозы — то, что Москва получала все эти годы в ответ на свои обращения к Израилю. Поэтому Путин и его команда вполне справедливо решили в вопросе о комплексах С-300 позицию Тель-Авива не учитывать, поскольку хуже уже не будет, а в случае дальнейшего обострения отношений России с США Израиль однозначно, без колебаний примет сторону Вашингтона.

Именно эта политическая подоплека вопроса о снятии запрета на поставку зенитно-ракетных комплексов Ирану воспринимается израильским руководством как основная угроза — Москва выходит из-под контроля. Разумеется, ответ будет комплексным. И чисто военные мероприятия — закупки современных американских самолетов нового поколения F-35, способных, как убеждают их американцы, преодолевать создаваемый С-300 барьер для агрессора. И диверсионно-разведывательные — «зеленый свет» для тайных операций, возрождение печально знаменитой «стратегии Дагана». Но главные усилия будут сосредоточены в политической сфере. Прежде всего, перед лицом новой угрозы — вышедшей из-под контроля и излишне активной на ближнем Востоке Москвы — сойдут на нет разногласия между Обамой и Нетаньяху. А кроме того, с новой силой включится в работу по срыву ирано-российского диалога произраильское лобби в Москве. Сегодняшнее

его сдержанное поведение в отношении указа российского президента — явление временное, затишье перед атакой, которую следует ожидать в самое ближайшее время.

Атака на Россию из Эр-Рияда — направления ударов

В феврале нынешнего года незамеченным прошел один юбилей — 35 лет с момента, когда официальный представитель Эр-Рияда, выступая перед лидерами афганских моджахедов сказал: «Знайте, что ваша война против русских — это и наша война. Пусть неверные захлебнуться кровью. За каждый истраченный на русского патрон вы получите от нас десять. За каждый потраченный на джихад доллар вы получите от нас пять». Это было объявление войны, которую саудиты ведут против России с прошлого века, совершенно не обращая при этом внимания на то, как называется наша страна — СССР или РФ.

За эти годы события шли по кругу — финансирование арабских наемников, стрелявших в наших солдат в Афганистане и совместный с США обвал цен на нефть в 80-х. Затем снова — финансирование терроризма на российском Кавказе и новая игра на понижение цен на мировых рынках... Неизменным было одно: откровенная и неприкрытая враждебность. Которую, заметим, не исправить ни призывами «экспертов» к диалогу с Эр-Риядом, ни предложениями о «тесном сотрудничестве», ни холуйским вручением юбилейной медали Совета Федерации саудовскому послу, одному из немногих в дипломатическом корпусе, получивших эту «награду».

После поддержки Башара Асада, после решения по С-300 и инициатив Москвы по Йемену, закончившихся, к сожалению, достаточно бесславно, эта враждебность приняла такой характер, что отброшены в сторону и дипломатический этикет, и протокол. «Россия предлагает мирные решения, но она продолжает вооружать потерявший легитимность сирийский режим, который убивает собственный народ. Россия говорит о трагедии, с которой столкнулась Сирия, однако является ее неотъемлемой частью». Столь резких выпадов в отношении Москвы в ответ на приветствие российского президента саммиту ЛАГ на высшем уровне в арабском мире не позволяет себе никто, кроме Сауда аль-Фейсала, главы МИДа Королевства. Про то, как саудиты в последние недели несколько раз задерживали вылеты российских самолетов, занятых эвакуацией граждан РФ и других иностранных государств из Йемена, и напоминать не стоит.

У саудитов есть три направления атаки на Россию, и на всех из них они начнут действовать в ближайшее время, причем вне зависимости от того, как закончится планирующаяся встреча Владимира Путина с королем Салманом.

Во-первых, Эр-Рияд и дальше будет сдерживать цены на нефть, при этом блокируя любые попытки Москвы договориться с ОПЕК. Намеки, которые делает министр нефти Саудовской Аравии аль-Наими о «возможности переговоров с такими странами, как Россия и Мексика по вопросу координации нефтяных поставок», не более чем «заманивание ложной надеждой». Саудовцы не станут решать чужие проблемы и сокращать добычу. Да, их доходы от экспорта нефти в этом году, по оценкам специалистов, сокра-

тятся на треть, но при золотовалютных запасах в 750 миллиардов они могут себе это позволить, играя на перспективу.

Во-вторых, эти же запасы позволят им выдавливать Россию с Ближнего Востока, тупо и без изысков перекупая возможных партнеров Москвы. Свежая история с тремя миллиардами долларов, выделенных Эр-Риядом на перевооружение армии Ливана, — прекрасное тому подтверждение: под нажимом саудитов Бейрут отказался от переговоров с представителями российского ВПК и заключил сделку с французами. Нечто подобное сейчас дипломаты Королевства хотят «провернуть» и в Египте.

Ну и, в-третьих, не по значимости, а по списку — «болевые точки» в самой России, от Кавказа до Западной Сибири, где экстремизм, искусно поддерживаемый как извне, так и отечественными провокаторами, вновь поднимает головы. Как видим, ничего нового и необычного, все, что саудиты делали раньше, они будут делать и сейчас, разве что более активно.

* * *

Интервью Сергея Лаврова радиостанциям Sputnik, «Говорит Москва» и «Эхо Москвы» было откровенной данью политкорректности. Впрочем, к чести главного российского дипломата, в своем ответе на вопрос о том, почему ИГИЛ является главным врагом России, он откровенно дал понять, что эта организация — инструмент в руках Вашингтона и его союзников. Именно они готовят сегодня атаку против нашей страны на ближневосточном направлении, именно руками партнеров США — Израиля и саудитов — эта атака будет реализовываться. В преддверии схватки, именно схватки, будем называть вещи своими именами, Москве нужна новая стратегия на Ближнем Востоке, одним из элементов которой должно стать активное и всесторонне продуманное партнерство с Тегераном и другими региональными силами. А от иллюзий в отношении «многовекторности», «диалога» с Тель-Авивом и Эр-Риядом пора бесповоротно избавляться.

Борис Саводян

Способен ли Иран дать отпор США?

Поставка Ирану российских зенитных ракетных систем С-300 не станет преградой для американской армии. Об этом в интервью телеканалу MSNBC заявил на днях американский президент Барак Обама. Как известно, в Иране с большим оптимизмом встретили это решение России и уже высказали надежду, что С-300 будут поставлены в этом году. Так во всяком случае заявил секретарь высшего совета национальной безопасности ИРИ Али Шамхани. При этом он подчеркнул, что это является неким сигналом для обеспечения стабильности в регионе с учетом того, что Иран играет в нем важную роль. Что касается Вашингтона, то там понимают, что Тегеран — это практически региональная супердержава, с которой лучше дружить, чем ругаться. И если там будет продолжен израильский курс на блокаду, изоляцию Ирана, то иранцы окажутся в альянсе с Россией и Китаем, а это ничего хорошего американцам не сулит.

На Ближнем Востоке складывается действительно сложная ситуация. С одной стороны, американцы успешно сотрудничают с Ираном в борьбе с «Исламским государством» в Ираке. Благодаря этому взаимодействию, кстати, коалиция захватила город Тикрит. Не будь такой координации, этого бы не произошло. А с другой стороны, американцы сейчас сталкиваются с Ираном в рамках йеменского конфликта. Если ничего не произойдет, они будут увеличивать масштабы сотрудничества с Ираном. А если вопрос о вероятности начала войны против Ирана перестанет быть предметом чисто теоретического обсуждения, тогда что? Тогда ситуация в отношениях Ирана с США, странами Запада и Израилем окончательно зайдет в тупик и вполне может перерасти в войну. Прелюдией к ней может стать появление в Аденском заливе у входа в Баб-эль-Мандебский пролив дополнительных американских ВМС и 34-й флотилии ВМС армии Ирана в составе корабля боевой поддержки «Бушер» и эсминца «Альборз», по словам командующего ВМС армии ИРИ вице-адмирала Хабибуллы Сайяри, «в целях обеспечения безопасности торговых судов и нефтяных танкеров и борьбы с пиратством». В связи с тем, что враждующие стороны весьма последовательно ведут дело к войне, возникает вопрос. Насколько сильна иранская армия и способна ли она дать отпор США и их союзникам в других странах?

По данным российских военных наблюдателей, большая часть военной техники Ирана устарела, и в эксплуатации находится множество устаревших дореволюционных систем. Иранские конструкторы годами изучали то, как можно перепроектировать и воспроизвести эти технологии, и теперь в ар-

мии имеется значительное число таких систем. Их часто демонстрируют на военных парадах и учениях, они восхваляются иранскими политиками и военными. Некоторые из таких вооружений достаточно опасны, в частности, сверхмалые подводные лодки, способные работать на мелководье. Другие, вроде скоростных катеров с ракетным вооружением, в значительной степени остаются «темной лошадкой». Эти простые технологии являют собой серьезную опасность, если они представлены в большом количестве. И, возможно, позволят Ирану некоторое время выдерживать военный натиск в проливе. Есть еще множество современных систем, приобретенных в последние годы у России и Китая. Открытая информация о них остается скудной и иногда даже противоречивой, поскольку множество сделок проводятся в режиме секретности. Число и характеристики этих технологий в большинстве случаев остаются неизвестными, что препятствует четкому пониманию истинной военной мощи Ирана. Является ли эта неопределенность лишь частью попытки Ирана создать образ большей военной силы, которой он обладает на самом деле? Или это часть стратегии по защите закупок вооружения от Запада? В любом случае нескольких видов вооружений, имеющихся в распоряжении у Ирана, вроде крылатых ракет «Москит», систем ПВО С-300 или истребителей J-10, достаточно для дискредитации любой идеи о немедленном превосходстве сил НАТО над Ираном.

По мнению специалиста по вооруженным силам стран Ближнего и Среднего Востока Дана Ашкелонского, Иран рассматривает ракетное оружие как важнейший компонент своей программы создания неконвенционного оружия, которое реально позволит ему создать угрозу своим существующим и потенциальным противникам, и тратит весомую часть своего военного бюджета на его развитие. Так, уже в середине 1990-х гг., когда страна только оправилась от потрясений, обусловленных восьмилетней войной с Ираком, Исламская Республика Иран (ИРИ) по числу оперативно-тактических ракет значительно превосходила многие государства Ближнего и Среднего Востока.

На днях стало известно, что до марта 2016 года Иран проведет испытания аналога российской зенитной ракетной системы С-300 собственной разработки, получившего название «Бавар-373» («Вера-373»). Об этом заявил министр обороны Ирана Хосейн Дехкан. «Спасибо тем человеческим, техническим и промышленным ресурсам, которыми обладает Иран. Благодаря этому у страны есть необходимые системы обороны, чтобы гарантировать аэрокосмическую безопасность Ирана», — сказал он. В свою очередь, представитель высшего военного командования Ирана генерал Ахмад Реза Пурдастан заявил, что «Бавар-373» — «более мощная и продвинутая система» по сравнению с С-300. «Система „Бавар-373“ — важное достижение, которое полностью создано в Иране, (система) может быть мощным конкурентом С-300», — цитирует его РИА «Новости». Напомним, иранские военные объявили о начале разработки собственного зенитного ракетного комплекса, сопоставимого, согласно их информации, по своим возможностям с С-300, в феврале 2010 года. В августе 2013 года командующий иранской базой ПВО «Хатам аль-Анбия» бригадный генерал Фарзад Эсмаили заявил о планах провести испытания «Бавар-373» до марта 2014 года.

Что касается вышеупомянутой российской крылатой ракеты «Москит», то она считается одной из самых мощных в мире и была создана Советским

Союзом с целью противостоять радарному потенциалу американских кораблей. По натовскому обозначению ракета называется SSN-22 Sunburn, но Россия называет свое производство «Москит». По имеющимся данным, в настоящее время этим ракетным комплексом оснащены 4 государства: Россия, Индия, Китай и Иран. Противокорабельная ракета «Москит» способна поражать цели, неся боеголовки весом до 750 фунтов на расстояние 100 миль. Ракета имеет модели подводного, берегового и морского базирования. Создана также модель авиационного базирования, которую можно запускать с борта истребителей. «Москит» авиационного базирования вначале управляется системой автоматического пилота, но при этом есть возможность ручного исправления курса ракеты пилотом истребителя. В конечном этапе активизируется радарная система ракеты, которая управляет ракетой до попадания в цель. Перехват этой ракеты — дело непростое. С этим не справляется большинство противоракетных систем в мире ввиду большой скорости снаряда, полета на низкой высоте, возможности спутникового управления и изменения курса. Ракета контролируется и управляется радарной системой. Существует возможность спутникового контроля. По опубликованным данным, скорость противокорабельной ракеты «Москит» достигает 1500 миль в час. Ее скорость повысилась в значительной степени благодаря четырем бустерам, т.е. вспомогательным двигателям.

Ракета «Москит» работает на твердом топливе. Цели, на которые настраивается ракета, не успевают избежать поражения. Причина этого заключается в большой скорости ракеты. Например, корабль, находящийся на расстоянии 10 км. от места базирования ракеты, с момента пуска имеет 10 секунд для того, чтобы активизировать свои противоракетные электронные и огневые системы. Несомненно, 10 секунд очень мало времени для активизации противоракетной системы, которой оснащено большинство гигантских и военных кораблей. Главными соперниками российского «Москита» являются французская ракета «Эгзосе» и американская «Гарпун». Тем не менее «Москит» опережает их своей уникальной характеристикой, особенно высокой скоростью. До исламской революции Иран заказал Вашингтону несколько ПКР «Гарпун» и получил ограниченное количество, которые были использованы военно-морскими силами после исламской революции во время ирано-иракской войны. Скорость ракеты «Гарпун» составляет 240 м в секунду, т.е. примерно одну четверть скорости российской ракеты. Максимальная дальность пуска французской «Эгзосе», которая, по сообщениям мировых СМИ, находится и на вооружении армии ИРИ, достигает 70 км.

Авторитетный сайт Examiner в опубликованном в конце 2012 года репортаже сравнивал военный потенциал Ирана в море с военным потенциалом США в Персидском заливе. В репортаже Иран назывался одним из официальных обладателей ракетным комплексом «Москит». В статье, помещенной на сайте, говорится: «Все авианосцы США уязвимы перед противокорабельными ракетами. К тому, что содержание авианосцев требует больших расходов, вплоть до того, что размещение на них противоракетных систем требует нескольких миллиардов долларов. В то время как содержание сверхзвуковой противокорабельной ракеты для Ирана обходится намного дешевле и безопаснее. При этом сравнении можно понять угрозу, с которой должны бороться ВМС США. У ракеты „Москит“ существует асимметрическое преимущество, о котором еще не знает Вашингтон».

В 2001 году тогдашний министр обороны Ирана адмирал Али Шамхани совершил поездку в Россию, где он обменялся мнениями с российскими властями о разных вопросах. Он встретился и со своим российским коллегой. Спустя недолгое время после визита СМИ сообщили о подписании соглашения между Ираном и Россией, по которому Иран заказал российской стороне некоторое количество противокорабельных ракет «Москит». В то время адмирал Шамхани также присутствовал на полигоне испытания ракеты и вблизи ознакомился со способом ее пуска и взрывной мощью. Хотя спустя 13 лет все еще сообщение не подтверждено официальными лицами Ирана, 8 февраля 2012 года американский веб-сайт Standup America опубликовав снимок, написал, что это российская ракета «Москит», которой обладает и которую использует Иран. Веб-сайт управляется отставным генералом американской армии. Он начал свою работу с 2005 года и ввиду обширной сферы деятельности считается многовекторной масс-медийной организацией. Хотя на вооружении ВМС Ирана существуют разные противокорабельные ракеты, в том числе «Персидский залив», «Кадир», «Наср», «Нур», «Зафар», «Каусар» и «Хут», в военных учениях в Иране российские «Москиты» до сих пор не применялись. Ни одно официальное лицо в Иране до сих пор не опровергло и не подтвердило обладание этими ракетами. Но презентация самой мощной противокорабельной ракеты в Иране может нагнать страх на любое агрессивное государство. Страх вызывается тем, что ввиду большой скорости, невидимости, полета на низкой высоте и сильной взрывной мощи и некоторых других свойств, такая ракета относится к числу реактивных снарядов, которые практически невозможно перехватить.

Ядерное нераспространение сошлось клином на Иране

Вчера на открытии девятой обзорной конференции ООН по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в Нью-Йорке ожидалась встреча министра иностранных дел Ирана Мохаммада Джавада Зарифа и госсекретаря США Джона Керри. На полях мероприятия они рассчитывали обсудить ход переговоров Тегерана и «шестерки» международных посредников по иранской ядерной программе. Работа над текстом финального соглашения уже начата, однако сенаторы-республиканцы рассчитывают помешать администрации Обамы.

Обзорные конференции по ДНЯО, целью которых является движение к безъядерному миру, проходят каждые пять лет.

В этот раз наблюдатели не предрекают ощутимого прогресса ввиду напряженных отношений между ведущими ядерными державами — РФ и США. На этом фоне на улицы Нью-Йорка вышли свыше тысячи активистов, потребовавших от девяти мировых ядерных держав сократить свои арсеналы. В числе собравшихся были и выжившие в атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки японцы (их называют хибакуся) на креслах-каталках. Демонстранты принесли 8 млн петиций, соорудив целую стену из коробок и смущая ею высокого представителя генсека ООН по разоружению Ангелу Кейн. Одну из таких петиций она подписала сама во время визита в Японию. «Он с вами», — сказала Кейн толпе, имея в виду генерального секретаря ООН Пан Ги Муна.

Япония в этом году отмечает трагическую дату — 70 лет атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Министр иностранных дел Японии Фумио Кисида, уроженец Нагасаки, собирался призвать участников конференции посетить эти пострадавшие районы. «Как министр иностранных дел, родившийся в подвергнувшемся бомбардировке городе, я буду добиваться принятия одного или даже двух дальнейших шагов к безъядерному миру», — пообещал он. Японские представители прибыли на конференцию с предложением, согласованным на встрече группы из 12 безъядерных стран, под названием «Международная инициатива в области ядерного разоружения и нераспространения». Пожелание Токио заключается в том, чтобы все ядерные державы обеспечили прозрачность своих ядерных программ и начали многосторонние переговоры о ядерном разоружении.

Более радикальная инициатива связана с существованием объединения ряда государств и гражданских групп, которые поддерживают идею о за-

прете ядерного оружия. Впервые встреча в этом формате прошла в марте 2013 года в Осло, вторая — в феврале 2014 года в мексиканском штате Наярит. Выводы участников заключались в призыве к юридически обязывающей конвенции по ядерному оружию. Третья встреча состоялась в декабре 2014 года в Вене. По ее итогам был запущен документ, обращающий внимание на гуманитарные последствия ядерного оружия и призывающий предпринять шаги по его полной ликвидации. Этот документ уже подписан 70 странами и является одной из самых мощных заявок нью-йоркской встречи. По мнению наблюдателей, именно гуманитарные аспекты ядерного оружия будут в центре внимания мирового сообщества на протяжении четырех недель. Но многие игроки, например та же Япония, считают этот подход нереалистичным и непрактичным. В отличие от хибакуся, которые все еще надеются дожить до безъядерного мира.

По мнению наблюдателей, именно гуманитарные аспекты ядерного оружия будут в центре внимания мирового сообщества на протяжении четырех недель

Предполагалось, что первым на конференции выступит Зариф — в 11.45 по местному времени (18.45 мск) — от имени Движения неприсоединения, в котором сейчас председательствует Иран. Также в понедельник ожидалось обращение Керри. Еще одно выступление Зарифа намечено на сегодняшнее утро. Зариф и Керри должны были встретиться впервые после достижения предварительного соглашения по иранской ядерной программе 2 апреля в Лозанне. В ходе последнего раунда переговоров Тегерана и «шестерки» в Вене 22–24 апреля было начато составление текста финального соглашения. При этом заместитель министра иностранных дел Ирана Аббас Аракчи констатировал: «Прогресс хороший. Мы находимся на предварительных стадиях, и темп работы медленный, но хороший. Европейцы и американцы дали хорошие пояснения по вопросу о снятии санкций». Три других вопроса, требующие детализации, — будущее иранской программы по исследованию атома и развитию ядерных технологий, параметры мониторинга со стороны МАГАТЭ, а также объем и степень обогащения оставляемого Тегерану урана.

Между тем сенаторы-республиканцы хотят внести поправки в законопроект, позволяющий конгрессу дать оценку финальному соглашению с Ираном. Пока он пользуется двухпартийной поддержкой, но поправки, о которых в пылу президентской гонки говорят сенаторы, оттолкнут и демократов, и администрацию Обамы. Первая поправка сенаторов Марко Рубио и Марка Кирка требует, чтобы Иран признал Израиль еврейским государством. Вторая — Рона Джонсона — предписывает присвоить соглашению статус договора, то есть документа, подлежащего ратификации двумя третями сената. Еще одно предложение Рубио и Кирка, поддержанное Джеймсом Ришем, заключается во включении в сделку пункта об освобождении американских граждан, находящихся в заключении в Иране. Некоторые сенаторы-республиканцы, например Джон Баррассо, пытаются связать с переговорами по иранской ядерной программе вопрос о нарушении Тегераном прав человека, а также о поддержке им терроризма. Кроме того, Рубио рассчитывает добиться нерушимости санкций, введенных против Ирана не из-за его ядерной программы, а за поддержку террориз-

ма, нарушения прав человека и программу создания баллистических ракет. Усиления роли конгресса добиваются Тед Круз и Пэт Туми. Едва ли все из упомянутых поправок будут вынесены на голосование, но возня с ними, видимо, будет не из легких, и это заставляет демократов нервничать.

Впервые с 1995 года на конференции будет представлен Израиль — в качестве наблюдателя. Он рассчитывает достичь взаимопонимания с арабскими государствами в плане противодействия заключению соглашения с Ираном. При этом оставлен за скобками буксующий план о создании зоны безъядерного оружия на Ближнем Востоке — в регионе, где единственный такой арсенал предположительно находится в распоряжении Израиля.

В целом очередная конференция по ДНЯО стартует в негативной атмосфере: ее предыдущие решения не выполнены, ядерные арсеналы по всему миру модернизируются, а страны, не обладающие ядерным оружием, чувствуют себя обманутыми. По мнению Кейн, новая пятилетка станет едва ли не последним шансом доказать, что ДНЯО еще играет хоть какую-то роль.

Владимир Алексеев

Израильское лобби в США и в мире теряет влияние

В последнее время в Вашингтоне активно распространяются слухи о кризисе самого влиятельного органа, который в США ассоциируется с понятием «израильского лобби», — Американо-израильского комитета по общественным связям (AIPAC). В этой связи возникает вопрос — а какую стратегию США будут проводить на Ближнем Востоке, в том числе во взаимоотношениях с Израилем. Хотя ни одна администрация США не проводит внешнюю политику, не соответствующую ее представлениям об американских национальных интересах, только из-за давления со стороны каких-нибудь лоббистов. Поэтому ближневосточная политика США в целом, и в отношении Израиля, Ирана, Саудовской Аравии в частности, мотивирована сугубо прагматическими соображениями. Речь идет, прежде всего, о попытке сохранения американской гегемонии в стратегически важном регионе.

Механизм лоббирования

Естественно, AIPAC и близкие к нему группы способствуют корректировкам политики США. Но и без их влияния общее направление американской стратегии, скорее всего, осталось бы примерно тем же, что и сейчас. Дело в том, что влияние произраильских лоббистов ощутимо в Конгрессе, но не в исполнительной ветви власти, которая целиком и полностью определяет внешнеполитический курс. Что может сделать Конгресс в этом отношении? Он может отказаться профинансировать то или иное внешнеполитическое мероприятие — и все. Но решающее слово во внешней политике всегда принадлежит исполнительной власти. Дело тут не в большей или меньшей степени влияния, а в том, что каждый конкретный президент считает правильным, и что с его точки зрения отвечает стратегическим интересам США.

В отличие от Буша или Клинтона, Обама занимает более сдержанную позицию в отношении Израиля. Но лишь настолько, чтобы искать союза с более умеренными элементами в самом Израиле. Он в любом случае настроен произраильски, но при этом Обама просто не поддерживает курс Нетаньяху. Как, например, тот же AIPAC. Так что если говорить об AIPAC в широком смысле — включая все близкие и дружественные группы — его влияние по-прежнему очень сильно.

Но в целом американское еврейство находится в состоянии крайней тревоги: «особые» взаимоотношения» между Соединенными Штатами и Израилем быстро распадаются. Те стратегические, культурные и демографические ориентиры, которые более полувека давали толчок и укрепляли отношения между США и Израилем, сегодня меняются. У этих изменений разные причины, и соответствующая динамика проявляется по-разному и разными темпами. Есть простое понимание того, как работают эти особые взаимоотношения. Евреи идут в американскую политику ради интересов Израиля, как они их понимают, поскольку считается, что израильские интересы неотделимы от еврейских интересов. Это и есть особенность модели «лоббирования» Израиля в США.

Раскол в AIPAC

Правда, при Обаме появился новый фактор — общественное мнение в США стало заметно меняться, в том числе среди американских евреев. Молодое поколение переходит на более взвешенную позицию, и к нему начинают прислушиваться. Поэтому демократическая фракция в Конгрессе, которая традиционно поддерживала AIPAC, столкнулась с растущей оппозицией среди собственного электората. На это накладывается и определенный раскол в самом AIPAC, который является отражением раскола во всей американской еврейской общине. Речь идет даже о тех, кто считает себя сионистами и безоговорочно поддерживает Израиль. Теперь они говорят, что даже отвлекаясь от правовых и моральных аспектов политики, проводимой кабинетом Нетаньяху, нельзя не признать, что эта политика по большому счету вредит Израилю и его долгосрочным интересам. Поэтому в еврейской общине США единства больше нет. Разве что один AIPAC так и остался непоколебимым, по крайней мере у себя на крайне правом фланге.

Иранский фактор — главная угроза для израильского лобби

В политических кругах США все четче выявляются разногласия в связи с иранским ядерным вопросом. После недавнего рамочного соглашения с Тегераном многие конгрессмены, в первую очередь члены израильского лобби в Конгрессе США, упорно противодействуют достижению какой-либо окончательной договоренности с Ираном. Этот лагерь считает, что за счет ужесточения санкций и даже угрозы применения военной силы американская команда переговорщиков может добиться от Ирана уступок в пользу США и Израиля. Американское министерство финансов продолжает штрафовать тех лиц и компании, которые, по мнению Вашингтона, нарушают санкции против Ирана. Навязывая многомиллиардные штрафы, оно фактически отбивает у многих банков охоту работать с иранскими фирмами. Главная причина этого кроется в усилиях израильского лобби в США. Одно из движений этого лобби под названием «Коалиция против ядерного Ирана» фактически представля-

В политических кругах США все четче выявляются разногласия в связи с иранским ядерным вопросом

ет собой филиал израильской разведки в США. В эту группу входят неоконсерваторы и некоторые руководители американских спецслужб и дипломатических ведомств, известные своими тесными связями с Израилем. Эта коалиция, утверждая, что Иран стремится к созданию ядерного оружия, пытается представить ИРИ как угрозу для мировой безопасности. По мнению некоторых источников, именно эта группа оказывает давление на министерство финансов США и добивается наказания для тех компаний, которые пытаются наладить торговые связи с Ираном.

Так или иначе, США, используя санкции, в том числе запрет на поставки запчастей для авиалайнеров и автомобилей, инженерного оборудования и медикаментов, включают в черный список тех, кто, по мнению Вашингтона, нарушает эти односторонние санкции. Штрафам подвергаются также и европейские государства, и компании. В то же время усиливается мнение о том, что США в ядерном вопросе добиваются нечто большего, чем просто укрепления доверия к иранской атомной программе. Речь идет якобы о стремлении Обамы превратить Тегеран в партнера Вашингтона на Ближнем Востоке, что ослабит «потребность» США в Израиле и Саудовской Аравии. Это подтверждается сообщениями о закулисных действиях израильского Моссада и «Коалиции против ядерного Ирана». А ведь есть еще и сегодняшние усилия израильского правительства, пытающегося добиться от AIPAC и от других организаций американских евреев более активных действий в поддержку агрессивной политики по отношению к Ирану, чем та, которую считали и считают нужным проводить администрации Буша и Обамы. Недавнее выступление Нетаньяху по Ирану в Конгрессе — яркий пример этого.

Отношения Израиль — США

В любом случае, между США и Израилем при разных администрациях сохраняются прямые стратегические отношения, и в них между исполнительными ветвями власти всегда действовали жесткие и прагматичные соображения геополитики. После 1948 года эти стратегические взаимоотношения развивались поэтапно. Всего было два важных и крупных этапа, а между ними существовал переходный период. Президент Гарри Трумэн отверг рекомендации своего госсекретаря Джорджа Маршалла, а также многих других высокопоставленных членов администрации и с энтузиазмом поддержал рождение государства Израиль. По мнению Трумэна, евреи Америки выступали за еврейский народ на всем протяжении истории, и он смотрел на это через призму англо-американского протестантства.

По мнению Трумэна, евреи Америки выступали за еврейский народ на всем протяжении истории, и он смотрел на это через призму англо-американского протестантства

Вторая фаза укрепления взаимоотношений, когда США стали считать Израиль стратегическим союзником, началась после июньской войны 1967 года, в ходе которой Израиль разгромил двух ближневосточных союзников Москвы — Египет и Сирию, и тем самым вызвал разочарование Советским Союзом в глазах арабов. Вашингтон расширил военную помощь Израилю по всем на-

правлениям. Американская помощь Израилю в такой ситуации разрушала советскую стратегию на Ближнем Востоке. Именно после этой военной кампании Израиля Советский Союз начал терять Ближний Восток. Такой сдвиг в американской стратегии сначала привел к тому, что египетский президент Анвар Садат в июле 1972 года ликвидировал советское военное присутствие в Египте. Затем американская политика привела к израильско-египетскому мирному договору, заключенному в марте 1979 года. С тех пор и до окончания холодной войны усиление позиций США в регионе подтверждало правильность стратегической инициативы Никсона-Киссинджера 1974 года по примирению Израиля и арабских стран.

Является ли Израиль стратегическим активом для США и сегодня? Чтобы ответить на этот вопрос, следует проанализировать череду событий на Большом Ближнем Востоке после 1991 года. Это Ирак, Афганистан, снова Ирак, Ливия, Сирия, Египет, Йемен и Иран. В каком из этих случаев Израиль можно назвать полезным союзником Соединенных Штатов? В целом Израиль оказывает содействие по самым разным направлениям: делится разведывательной информацией, участвует в совместных учениях, испытаниях нового оружия, предоставляет свои портовые мощности. Однако в кризисных ситуациях он в большинстве случаев оказывается в роли стороннего наблюдателя или непреднамеренной помехи.

Отсутствие сегодня увязки между американскими интересами в регионе и полезностью Израиля в качестве союзника стало причиной того, что реального совпадения стратегических интересов в самых важных областях и реального геополитического взаимодействия сейчас очень мало. Это относится и к тезису об «израильском лобби», который в последнее время выдвигается очень активно.

Взаимоотношения между американскими евреями и американским обществом в целом также претерпевают изменения. Огромное количество американцев с самого начала заселения Северной Америки европейцами принадлежит к той англо-протестантской ветви, которая с большим сочувствием относится к идее об «избранности» и уникальности евреев, о предписанной свыше роли евреев в истории. Это получило название христианского сионизма. Однако и здесь неизбежно происходят изменения. Американское общество становится все менее английским, менее религиозным и особенно менее протестантским. И еще — Соединенные Штаты очень быстро приближаются к тому моменту, когда «небелое» меньшинство в своей совокупности численно превзойдет белое население, что уже произошло в некоторых штатах, а также во многих крупных городах и округах. И многие представители меньшинств думают, что евреи — «белые», а палестинцы и арабы — «цветные». О последних очень часто говорят, что их угнетают и подавляют «белые» евреи Израиля.

Американское общество становится все менее английским, менее религиозным и особенно менее протестантским

Усиление антиизраильских настроений можно увидеть даже в Демократической партии, которая со времен Рузвельта является политическим домом для огромного большинства американских евреев. Хорошо известно, что когда некоторые делегаты национального съезда Демократической партии

в 2012 году выдвинули идею о переносе посольства США из Тель-Авива в Иерусалим и о включении этого предложения в партийную платформу, она была встречена свистом и неодобрительными возгласами. Между тем, евреи, как и большинство американцев, все чаще относят себя к независимым. Кроме того, евреи становятся все заметнее и в Республиканской партии, и это обстоятельство наверняка понизит политический вес еврейства сообразно уменьшению общей численности этой общины.

* * *

Если все меньше американских евреев будет поддерживать все более религиозный и правоцентристский Израиль, то это приведет к уменьшению взаимного влечения американских евреев и еврейского государства. Такое ослабление близости вполне укладывается в стратегический контекст, в котором «жесткие» геополитические факторы уже не усиливают «мягкие» факторы культурной связи, как это было раньше. Уменьшение стратегической близости между США и Израилем также ведет к расширению внутренних американо-еврейских расхождений и расхождений между Америкой, еврейством и Израилем. Во многом это и объясняет то, что «израильское» лобби и далее будет терять свои позиции в Вашингтоне на фоне возрастания влияния других лобби, в том числе арабского, обладающего огромным финансовыми ресурсами.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@iran.ru

Тегеран